

An aerial photograph of a ship's wake in the ocean. The water is a deep, dark blue, and the wake is a bright, white, frothy trail that curves from the top left towards the bottom right. The overall scene is dynamic and captures the movement of a vessel across the sea.

ЮРИЙ П. ЛИННИК

**С БАЛА
НА КОРАБЛЬ.
ИТАКИН ДУБ**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Юрий Линник

**С бала на корабль. Итакин дуб.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Линник Ю. П.

С бала на корабль. Итакин дуб. Повести и рассказы /
Ю. П. Линник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983445-4

В первой части книги Юрия П. Линника «С бала на корабль» повести и рассказы повествуют о становлении молодого матроса на военном корабле, об историческом переломе в истории российского военно-морского флота в судьбах военных моряков и кораблей, имевшем место в девяностые годы. Большой интерес читателей вызвала повесть о корабельном псе. Во второй части книги помещены своеобразные «пять недетских рассказов из детства». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983445-4

© Линник Ю. П.
© Издательские решения

Содержание

С бала на корабль. Флотские повести и рассказы	6
Пассажир поневоле и усталая «эска» 1	6
С бала на корабль	15
Конец ознакомительного фрагмента.	45

С бала на корабль. Итакин дуб

Повести и рассказы

Юрий П. Линник

© Юрий П. Линник, 2020

ISBN 978-5-4498-3445-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С бала на корабль. Флотские повести и рассказы

Пассажир поневоле и усталая «эска»¹

Прошло более года, как, средняя дизельная подводная лодка покинула акваторию судоремонтного завода. Ремонт растянулся на полтора года. После месяца боевой службы в Атлантике лодка встала на очередной текущий ремонт, который тихо сапой обернулся капитальным. Но вот бесконечные заводские мытарства позади и ещё год тяжёлой работы, чтобы лодку ввести в первую линию, боевой состав дивизии. Экипаж новый, да ещё после заводской вольницы – притирка, отладка, затяжка, закручивание, пристрелка. Вот когда забот на лодке хватает всем по горло. Экзамены на допуски, на самостоятельное управление механизмами, оружием, боевой частью, кораблём. И только тогда командир и весь экипаж вздохнут с облегчением, когда корабельный казначей отсчитает им впервые морскую надбавку к жалованью – знак того, что лодка вошла в боевой состав флота.

Но кто ей позволит прохлаждаться у пирса? Даром что ли морские капают? Вперёд, в Атлантику, досаждают супостату. Мал клоп, да кусач. А здесь ещё один театр вызрел, как прыщ на интимном месте – Средиземка. Театр, на подмостках которого без малого два десятка лет, игнорируя антракты и вопреки штабным сценариям, продолжится крутое представление конкурса силачей, от которого зрителям порой станет не по себе. На сей раз, на долю балтийской подлодки выпало одной из первых повариться в средиземноморском котле, испытать на своём прочном корпусе холодное единоборство двух великих флотов.

В штабе флота ещё с недоверием относились к подлодке, едва вошедший в боевой состав и решили перед её выходом на боевую службу устроить для неё эдакий спарринг. Задать квадрат и пусть субмарину эту, как необъезженного жеребца в загоне, погоняет хорошенько противолодочник с крепким командиром. Не нами сказано: «Трудно в учении – легко в бою».

* * *

Всем известно, как службу военную начнёшь, так она и продолжится. Поэтому первый день службы уж постарайся. Загони в мый дальний угол души своей всё гражданское, амбиции, гордость, жажду справедливости, тошнотное чувство на всё военное и отслужи первый день классно. А потом, если и пойдёт всё вкривь да вкось, то ты уж не виноват, ведь начал то ты службу нормально.

Честно говоря, первый день на корабле у Юрки определённо не сложился. Правда, не его была в том вина. В сущности, день тот и не мог сложиться. Ведь когда, после занудной муштры во флотском экипаже, где из новобранцев методично изгоняется гражданская бесовня, команду новобранцев доставили в Балтийск, то корабля его приписки, как на грех, в базе не оказалось. У всех, как у людей, корабли на месте, его корабль отсутствует! Посему отправили Юрку довеском к однокашнику Гармашову на его корабль. Надо же человеку пока, суд да дело, где-то находиться, ночевать, кормиться.

Служба корабельная началась без корабля. На чужом, разумеется, ты никому не нужен. Куда такого, с позволения сказать, военмора, чтобы не болтался попусту на корабле инородным телом? Правильно! Обрати в дивизион, в распоряжение дежурного. В штабе дивизиона разнарядка для таких спецов с нулевым послужным списком не отличается разнообразием. Ну что можно доверить матросу, не прослужившему и без году неделю в плавсоставе? Только

¹ «эска» – средняя дизельная подводная лодка

поддержание образцового флотского порядка на подведомственной причальной территории. Кто бы ты ни был на гражданке, какие бы чудеса не творил, подвиги не совершал – вот тебе флотская метла из прутьев «голик» по флотски.

– Голик?

– Вот видишь, ты даже не знаешь, как на флоте веник называют, а ведь это далеко не самый последний предмет на корабле. А большое познаётся через малое! Вот тебе голик и боевое задание – мести дорогу от дивизионного штаба и вон до того угла цейхгауза, – указал Юрке старлей, помощник дежурного по дивизиону, на поворот в сотне метров.

Дорога в окружении уже немолодых, раскидистых тополей. Начало октября – листопад в разгаре. На первый взгляд, за пару часов можно управиться, если с куревом пострже.

– А потом на корабль? – порывался поставить Юрка все точки над i.

– До ужина, – не без иронии усмехнулся старлей.

«Что значит до ужина? – заело у Юрки в голове. – Дорога через пару часов заблестит, как у кота... Уж в этом то нехитром деле я не профан – чай, „учебка“ за плечами – мыть, грести, таскать, мести, поднимать, опускать... Это что же, с красным корочками техника-электрика на флоте в дворники сгодился? Несуразица полная».

Старлей, видимо, прочитав на лице новобранца недоумение и даже справедливое негодование, исподлобья, уже гнусавым, не терпящим базара голосом, добавил:

– Пройдёшь раз – заходи по новой. Короче, дорога должна быть постоянно чистой. Листопад! Понимать надо.

Мести палые листья – работёнка, хоть и маленько пыльная, но не обременительная, а, главное, спокойная. Тем паче, никто тебя не дёргает, не гонит, не учит, не наставляет. Все проходящие видят, что матрос работает, даже старается. Тем не менее, моральное состояние хреновое. Да здесь ещё память втихую подленько так подсунула анекдотец, известный ещё с гражданки:

«Как копать? – спросил солдат прапора. – Отсюда и до вечера, – гениально изрёк прапорщик».

Тогда смеялся, а сейчас, хоть плачь. Ведь анекдот-то, получается, про него самого – «Отсюда и до ужина». Потом стали одолевать суеверные переживания – «Как службу, начнёшь, так она и пойдёт».

«Так и буду подметать дорогу всю службу, перспектива аж дух захватывает! Пропала флотская юность!» – с горькой иронией размышлял Юрка.

После второго прохода, окружающие тополи обернулись подлыми поганцами, которые гадят без зазрения и беспрестанно на дорогу. Чем быстрее асфальт очищается от листвы, тем гуще сыпет листьями с деревьев. Порой кажется, что они, даром, что безмолвные, откровенно похихатывают над пустыми хлопотами новобранца.

Но нет! Юркины старания не такие уж напрасные. Дорога приобретает ухоженный вид, и на третьем проходе в его сознании грядёт перестройка. С каждым взмахом метлы амбиции и обида испаряются, приходит отрезвляющее осознание своего положения, пусть неприятного для гордыни. Прими с миром то, что изменить не в силах. Вот уже в такт, пусть пока сквозь зубы, он декламирует нараспев: «Приятна мне.. твоя.. прощальная ...краса». И тополи, тут, положим, не при чём, ведь у них листопад, физиологическая потребность.

* * *

На следующее утро, не успел Юрка дожевать военно-морскую «птюху» – четвертинку вкусного белого хлеба, намазанного поверх толстым слоем превосходного сливочного масла, как кто-то прокричал его фамилию с верхней палубы через люк кубрика и добавил приказным тоном: «В распоряжение дежурного по дивизиону! Срочно!»

«Вечный раб дежурного по дивизиону», – в сердцах окрестил он себя, и, доедая на ходу, выскочил на палубу.

Дорога за ночь сплошь покрылась палой листвой, важнее работы в дивизионе нет! Что бы они делали без него? Помощник дежурного по дивизиону уже другой, служба сменилась вечером вчерашнего дня. У Юрки, тем не менее, никаких перемен. На том же объекте, что и вчера, начинает мести прибывшие за ночь листья от здания штаба дивизиона и, надо понимать, до обеда. Работа знакома и настроение лучше вчерашнего. Переболев духом, он смирился с показавшейся вчера вопиющей несправедливостью, попридержал амбиции и осознал, что мести асфальт – не так это уж и плохо. Пребываешь на свежем воздухе, харч флотский по расписанию, чрезмерного усердия не требуется, перекуры по желанию. Пусть руки заняты, зато голова свободная – наблюдай окружающий незнакомый мир, думай о чём угодно, вспоминай дом. Идиллия!

Но не тут то было! Флотский бог, где он там обитает, из морских глубин или с небес, видимо, узрев, что первый урок этим новобранцем освоен, решил про себя, мол, давай-ка усложним ему вводную. Не мытьём, так кАтаньем. Не метлой, так катАнием. Да, да! Катанием на корабле. Увидите сами, что по-другому не скажешь. Итак, из штаба дивизиона вышел некий капитан-лейтенант с бело-синей повязкой на рукаве и решительно направился по дороге.

«Новый дежурный по дивизиону. Сменил вечером капитан-лейтенанта Киселёва, – дошло до Юрки». В начале он не придал этому никакого маломальского значения. Зачем дежурному офицеру матрос по второму дню службы в дивизионе, что ему других забот мало? Но каплей продолжал двигаться, не меняя курса, явно интересуясь плодами неустанной боевой деятельности новобранца. Пришлось прекратить работу и, как учили, представиться. При этом голик Юрка переложил в левую руку, давая понять дежурному, что, мол, ему недосуг с ним травить байки, у него ещё ого сколько дороги до угла цейхауза, и пусть он идёт с миром дальше.

Разумеется, Юрке было невдомёк, что дежурный офицер дивизиона, доложив в бригаду о завершения утренних рутинных процедур на кораблях дивизиона, решил, не мешкая, заняться причальной территорией. Такой безобидный, казалось бы, осенний листопад грозит нахлобучкой от любого залётного начальства, если зазеваться или пустить уборку палой листвы на самотёк. За годы службы на флоте он постиг, что порой за изъяны во внешнем флотском лоске можно схлопотать нагоняй похлеще, чем за немалые огрехи в боевой подготовке.

– С какого корабля? – вопросом ответил на приветствие дежурный.

– С МПК-85, товарищ капитан-лейтенант, – озадачил его матрос.

Дежурный машинально оглянулся на пирс и сразу же отругал себя за опрометчивую реакцию. Ведь, он прекрасно знал, что Алгашев вторые сутки в «морях» в составе поисково-ударной группы. Алгашев – командир МПК-85 и, как повелось в дивизионе со времён «больших охотников», корабли называют по фамилии командира.

Капитан-лейтенант внимательно посмотрел в лицо матроса, опасаясь вновь попасть впро-сак, и догадался, что матрос из пополнения, пришедшего вчера в дивизион. Пополнение это пришло особенное; для осеннего призыва прошлого года поздновато, для весеннего призыва ещё рано. Кто-то объяснял, что пришли они на корабли без подготовки в учебном отряде, якобы после окончания техникумов: «Дюже грамотные».

Не успел дежурный по дивизиону дать Юрке ценные указания по уборке «стратегической» дороги, как увидел почти бегом направляющегося к нему своего помощника и насторожился. Он обладал неким подспудным чутьём на неординарные ситуации, о котором никому никогда не рассказывал, но тайком гордился этим. Оно его никогда не подводило. И вот сейчас, завидев спешащего к нему старлея, он услышал где-то в груди, не в ушах, вещий звон маленького серебряного колокольчика. Иррациональное нечто внутри него или снаружи вели-

кодушно давало знать о приближении экстренных событий. Комдив в море, начштаба в штабе базы, значит, решения принимает он. Что же, он не подведёт!

– Срочное сообщение, – ещё на подходе выдохнул помощник.

«Ага! Что-то произошло! И это что-то должно коснуться меня. Ведь не может дальше продолжаться эта бесконечная борьба с листопадом. Уже сутки я на этой проклятой дороге. Вполне достаточно, чтобы утихомирить тщеславие и дать понять, что на флоте всё не так, как на гражданке.» – пронеслось в Юркиной голове.

А вот и гонец с корабля! Пусть не архангел, но весть он несёт желанную и спасительную. Матрос с бело-красной повязкой на рукаве почти бегом направляется к Юрке. Ищи себе другого раба, бравый каплей! ... Разлука будет без печали.

* * *

В кубрике крепкий смрад выхлопных газов. В соседних отсеках машинные отделения, носовое и кормовое. Мозгодробящий хор работающих дизелей проникает в кубрик. В кубрике никого, все на боевых постах готовят корабль к экстренному выходу в море. Ни души, если не считать Юрки. Уныло восседает на отполированном матросскими задами рундуке под динамиком корабельной трансляции. Теперь понятно, почему дежурного офицера срочно вызвали в штаб. Полчаса назад Юрку внезапно сняли со «стратегической» дороги и затребовали на корабль, который экстренно выходит в море.

Поначалу радость не имела границ. Казалось, что на той злополучной дороге Юрка провёл не сутки, а целый год. И, вдруг, понадобился! Понадобился кораблю, готовящемуся к выходу в море! Почувствуйте разницу; тупо и беспрестанно махать метлой и выйти первый раз в море, да ещё на таком прекрасном боевом корабле. Но буйство страстей и поднявшее было голову, недобитое на дороге тщеславие было безжалостно растоптано, едва Юрка, полный надежд и эйфории, поднялся на борт готовящегося к выходу в море корабля. Поджидавший его дежурный старшина с кислой миной на лице (этот ещё навязался, своих новичков – глаз да глаз) объявил без обиняков, не пощадив душу новобранца, готовую вкусить сполна морской романтики:

– Корабль срочно выходит в море. Ты сидишь в кубрике, оттуда ни на шаг, и носа не кажи! Ясно?

– Есть, таарищ старшина, – выдал Юрка упавшим голосом. Этот «таарищ» его зарезал без ножа. То, что корабль готовится к выходу в море, он и сам видел, не слепой. А вот то, что его изолируют в кубрике, было, что обухом по темечку.

«Выхожу в море пассажиром! Нет, не пассажиром – трюмным узником», – пришёл к неутешительному выводу Юрий. Дабы исключить эту версию, поднялся по трапу к палубному люку и обследовал запор люка. Запор отдраивается, люк освобождается. Значит, всё-таки пассажиром. Дурацкая ситуация, уж лучше бы остаться на берегу, на своём стратегическом объекте, по крайней мере, находился бы при деле.

«Только вдуматься! Мой первый выход в море на боевом корабле! И я выхожу в море по боевой тревоге на правах пассажира, бесполезного груза», только и осталось Юрке сокрушаться своим вынужденным положением. Друг его где—то на боевом посту. Это его корабль и он полноправный участник всего того действия, что сейчас разворачивается на корабле. Юрке неловко и стыдно оставаться в кубрике. Пусть это не его корабль, но ведь он мог бы вместе с однокашником делать то, чем сейчас занят он.

Динамик корабельной громкоговорящей сети, на рундуке под которым примостился Юрка – единственное звено, связывающее его с событиями, происходящими на корабле. Все команды командира, доклады и рапорты с боевых постов проходят по корабельной сети,

и Юрка вливается слухом в эти завораживающие звуки ещё незнакомой, но уже его жизни. Чем не захватывающий радиоспектакль?

С каждой минутой нарастает проникающая сквозь переборки кубрика разноголосица запускаемых в работу механизмов. В неё вплетаются всё новые и новые партии, чтобы в какой-то момент обернуться законченной симфонией корабля, готового выйти в море. Казацкой плетью полоснул вдруг резкий звук, заставивший Юрку от неожиданности непроизвольно шарахнуться с рундука. Ещё бы! Оживший вдруг громадный электрический звонок исподтишка затрещивал как раз над его головой.

Колокола громкого боя! Если вы услышите эти романтические слова, знайте, что речь идёт о русском военном корабле. На самом деле, на этом корабле никаких колоколов нет. Мощные электрические звонки на всех постах и кубриках, звуки которых мёртвого поднимут, заставят куда-то бежать и действовать по боевому расписанию. Короткий – длинный, короткий – длинный... Из динамика, – Аврал! По местам стоять, со швартовых сниматься! Для Юрки кульминация всего действия, которое он прослушивает, как в радиотеатре, – начало движение корабля. Ведь впервые он выходит в море. Пусть вспомнят свой первый выход в море сегодняшние морские волки. Главное для Юрия сейчас это ожидание неизведанного пока ещё чувства движение корабля.

Частый топот матросских ботинок швартовой команды и взревели дизеля дают понять, что корабль вот-вот отойдёт от причальной стенки.

«Я должен видеть это своими глазами – отход корабля от причальной стенки!» Не устояв перед соблазном, Юрка открыл дверь в трапный тамбур, и опрометью поднялся по трапу, пока головой не упёрся в палубный люк. Отдраив его поворотом штурвала, приподнял настолько, чтобы был виден причал.

В щель врывается густой едкий дым выхлопа работающих вхолостую дизелей, от которого горло скручивает верёвкой. Тяжёлыми клубами он стелется по палубе и не позволяет видеть причал. Люк пришлось срочно задраить и, не солоно хлебавши, вернуться в кубрик, чтобы довольствоваться лишь корабельной трансляцией.

«Отдать носовой! Отдать кормовой! Правый малый вперёд!» – раздалась команда с мостика. Звук двигателей стал натужным, и Юрка, о кайф, ощутил ход корабля. Из детства вспорхнуло лёгкое акварельное видение – трёхпалубный белоснежный «Юрий Крым» величаво отчаливает от причала Цимлянского порта. На палубе этого ослепительного красавца он, десятилетний Юрка – полноправный, не в пример сегодняшнему, пассажир третьего класса вкушает блаженство впервые покидая сушу. Призрачная картинка проявилась и пропала. А осознание настоящего, что в первый выход в море на боевом корабле он пребывает в роли бесполезного пассажира, добавляет изрядную ложку дёгтя в бочонок его радости.

К звонку Юрка стал настороже, отсев от него подальше. Знать, не последний раз называл, до сих пор в ушах свербит. И ведь недаром! Не прошло и четверти часа, как кубрик вновь наполнился нестерпимым звоном. На сей раз звонок надрывался непрерывно. Пришлось заткнуть уши пальцами. Так, и что же означает эта ошеломляющая трель?

«Боевая тревога!» – не замедлил с ответом динамик строгим голосом командира корабля. Следом пошли рапорты с боевых постов о готовности к бою. Юрка встревожился, ведь командир корабля не сказал, что тревога учебная. Если тревога боевая, значит, может быть и настоящий морской бой.

«Войны нет – это ясно, но могут быть нарушения границы или провокации» – размышлял он, припоминая сюжеты советских кинофильмов. Как в подтверждение его мыслям, командир объявил экипажу боевую задачу:

«Поступил сигнал, что в наших территориальных водах находится неизвестная подводная цель. Задача корабля обнаружить цель и принять соответствующие меры по охране акватории».

«Вот это да! Второй день службы на корабле, первый выход в море и такая заваруха», – как подпружиненный, вскочил Юрка с рундука после таких слов командира. Каких-то пару часов назад он безмятежно махал голиком по асфальту, и единственной надеждой изменить положение было единственно прибытие его корабля. А сейчас он находится на борту корабля, который, вдумайтесь, охотится за подводной целью. Корабль ускорил ход, качка стала меньше. Корабельная трансляция стихла. На борту началась малопонятная для новобранца рутинная работа, но режим «боевой тревоги» командир не отменил и Юрка по-прежнему в кубрике коротал одиночество.

* * *

После выхода корабля из базы капитан-лейтенанту Гурьеву из штаба бригады сообщили координаты акватории, где его поджидает либавская субмарина. Подлодка из засады атакует противолодочный корабль. После атаки она попытается скрыться в границах заданной акватории. Задача корабля не выпускать лодку из контакта с выходом на условную атаку глубинными бомбами. Гурьев понял, что эта игра в кошки-мышки неспроста – лодку готовят на серьёзное дело. «Ну что? – не без куража обратился Гурьев своему помощнику, старшему лейтенанту Овчинникову – Возьмём рыбку за зебры, пока не взмолится о пощаде?»

Рыбка оказалось с характером. Заслышав невероятную какофонию приближающегося «охотника», на лодке определили параметры его движения, потихоньку поднялись, развернулись и сымитировали сабельную торпедную атаку. Подлодку, конечно, ждали и сразу же засекли. Но, пытаясь скрыться, она запетляла, и несколько раз контакт с ней терялся. Быть может, подлодка ушла бы от погони, но границы акватории не позволяли сделать это. Поэтому ей приходилось пускаться во все тяжкие, лишь бы сбросить с себя царапающее по металлу корпуса и нервам находящимся внутри ковбойское лассо акустического луча противолодочного корабля. Через несколько часов напряжённой борьбы с переменным успехом, лодка запросила перекур. Толи что-то у них потекло, то ли для подзарядки аккумуляторов, то ли захотелось просто выбраться на белый свет, хлебнуть свежего воздуха и затянуться сладким табачным дымом.

– И то ладно, – вытер со лба испарину Гурьев, – Стоп машина! Лодка всплыла в полумиле и на дизелях подошла к своему визави выкурить трубку мира.

* * *

Из обрывков малопонятных фраз, команд, докладов по корабельной трансляции Юрке стало понятно, что подводную лодку настигли и что лодка эта наша и вся операция, в которой он принимал невольное и пассивное участие, была учебно-тренировочная. Корабль внезапно прекратил ход, что насторожило и заставило внимательно вслушаться в трансляцию. Так и есть! Судя по переговорам на мостике, подлодка наша всплыла на поверхность! Где-то рядом находится реальная подводная лодка. Ни разу Юрий не видел в живую подводную лодку. Ну как не взглянуть, хоть краешком глаза? Не устоять!

Он отдраил палубный люк, и приподнял крышку сантиметра на три. Но этого зазора явно не хватало, виднелись лишь волны на расстоянии не более пары десятков метров. Само собой, крышка люка приподнялась повыше. Результат такой же. Ему бы успокоиться и спуститься в кубрик, но он решил ещё чуть-чуть приоткрыть люк, последний разок. Как Юрка не старался, увидеть лодку ему не удавалось. Поэтому решил больше не испытывать судьбу и задраил люк. Он не подозревал, что пока шарил глазами по сторонам в надежде увидеть всплывшую лодку, его самого уже засекли с мостика и не кто иной, а сам командир корабля. Не успел Юрка возвратиться на уже порядком опостылевший рундук, как по трансляции голосом командира ему было приказано явиться на ходовой мостик.

«Меня на мостик вызывает командир корабля! Только вдуматься, моя с самого утра ничемная персона вдруг заинтересовала командира противоположного корабля! – вскочил Юрка с рундука, – Кто он по званию? Быть может капитан третьего ранга! В учебном отряде командир нашего взвода сержант Сорокин был богом, а командир роты старший лейтенант, выходит, начальник бога. За три месяца муштровки я видел его только на утреннем разводе экипажа. А здесь..!! Ого-го!! Капитан третьего ранга, командир противоположного корабля решил со мной пообщаться! А ведь жизнь, похоже, налаживается! Заодно и лодку рассмотрю».

Никакой вины за собой Юрка не чувствовал. Теперь уже на законных основаниях, не таясь, Юрка поднялся на палубу и сразу оглянулся по сторонам, чтобы, наконец, увидеть эту злополучную лодку. Обнаружил её в метрах ста по левому борту. На рубке стояли люди, рассматривая противоположный корабль в бинокль.

С прибытием новобранца на ходовом мостике воцарилась напряжённая тишина. Нельзя сказать, что она была враждебной, но и ничего доброго не сулила. Офицеры и старшины, кто с усмешкой, кто с недоумением, кто с удивлением смотрят на Юрку, как на диковинку, свалившуюся негаданно с неба прямо на шкафут корабля. Появление его на мостике, похоже, стало сюрпризом. Видимо, никто не подозревал о пребывании незнакомца на корабле, не ведал, что корабль вышел в море с пассажиром на борту.

Только один человек не отреагировал на экзотическое появление Юрки на ходовом мостике – крепко сложенный, черноволосый капитан-лейтенант. Да, командир противоположного корабля Гурьев был пока ещё капитан-лейтенантом. Но это не меняло дела.

«Классический морской волк», – мелькнуло у Юрки. Именно таким он представлял настоящего командира корабля. Ни дать-не взять. Наконец, капитан-лейтенант оторвал взгляд от репитера гирокомпаса и строго взглянул на молодого матроса. Теперь Юрка увидел вблизи человека, которого пытался рассмотреть в щель приоткрытого люка. Мужественное, широко-скулое лицо. Жёсткая складка у рта ещё не разошлась после напряженной погони. Однако, сердитый прищур цыганских глаз, беспокойные желваки и плотно сжатые с кривинкой губы на лице Гурьева явно не предвещали сердечных поздравлений по поводу первого боевого похода новобранца и удачного отлова подводной лодки. «Похоже, я не в струе», – только и всего смог предположить Юрка. Впрочем, озарение пришло мгновенно. Ведь его же предупреждали добрые люди: «И носа не кажи!» А он то, любопытная Варвара, нос свой длинный из люка ещё как «казал».

– Таарищ капитан-лейтенант! Матрос Ортах прибыл по Вашему приказанию! – попытался Юрка заморозить Гурьева строевой выправкой. Мол, мы тоже не пальцем деланы, чай три месяца «беска» на голове! Знаем, что-почём!

Наверняка, Гурьеву уже объяснили, что это за птица, и что спрос с него никакой – дремучий салага в роли пассажира.

– Ортах!?!... Ванюша Ортах на курортах, не так ли? – не удержавшись в официальных рамках, язвительно скаламбурил рассерженный Гурьев, колко усмирив кураж новобранца. Присутствующие на ходовом мостике вежливо заулыбались. Ясно, что командир имел в виду. Все на боевых постах, в поте лица гоняют хитрющую подлодку, которая норовит часом скрыться бесследно в морской пучине. А этот тем временем прохлаждается в кубрике, да ещё нарушает благополучную картину боевой подготовки корабля. Немного опешив от непривычного после официоза «учебки» диалога с высшим чином и признав в душе справедливость сарказма командира, Юрка отважился всё-таки уточнить своё имя:

– Юрий я, не Иван... Юрий Ортах, товарищ капитан-лейтенант, – и, спохватившись, добавил для полноты, – матрос.

– Уже приятно. Вижу, что матрос, – продолжал в тон раздражённо иронизировать каплей, – Гурьев. Командир. Так вот, товарищ матрос, как у вас обстоят дела с Корабельным уставом? Вы же из учебного отряда нас осчастливили, не так ли? Насколько я в курсе, там его штудируют скрупулёзно.

Конечно, Юрка знал, что наряду с другими Уставами, которые в «учебке» втиснули в их гражданские мозги, существует некий «Устав корабельной службы». Но в программу подготовки устав этот не входил, поэтому Юрка не то, что бы знакомиться с корабельным уставом, и в глаза не видел этот бестселлер. Что ответить? Находиться на боевом корабле, выполняющим боевую задачу, даже на его «святая святых» – ходовом мостике и не ведать того, о чём гласит корабельный устав? Позор!

– Вы обязаны знать, что по боевой тревоге все люки и двери на корабле должны быть наглухо задраены, – продолжал методично топтать Юрку Гурьев, – Почему же вы нарушили такое важное положение корабельного устава?

Ну что здесь скажешь в оправдание? Что не читал «Корабельный устав»? «Это мы не проходили, это нам не задавали» Кто поверит и как доказать, да и кому нужны эти оправдания. Нарушил – отвечай. А главное, командир потребовал назвать причину. Попробуй, отмолчись, как школьник. Сказать правду – смешно, детством отдаёт. Видите ли, он хотел посмотреть на настоящую подводную лодку. «Маменька, это настоящая подводная лодка или из папье—маше? Да сдалась она тебе – за годы службы, наверное, так насмотришься, что воротить начнёт». Путаясь в этих мыслях, Юрка судорожно искал, нет, не оправдания, искал, что ответить Гурьеву. Ответить, чтобы тупо и позорно не молчать. Не придумав ничего подходящего, вдруг, неожиданно для себя всё-таки брякнул, дескать, страстно желал увидеть настоящую подводную лодку, ибо ни разу в жизни не наслаждался её видом в натуре.

Сказанул и тотчас начал гнобить себя в сердцах: – «Кто тебя за язык тянул? Уж лучше бы попросту промолчал. Молчит человек, значит крыть нечем, нет слов в оправдание, признаёт свою ошибку и надеется на снисхождение. Это же – как дважды два.. А теперь, вот он я, в детских коротеньких штанишках на подвязках, покажите мне козу пальцами и можете хохотать до коликов. Ему бы на девок посматривать, а он на лодку...ха-ха-ха... первый раз!»

Но что это? На мостике материализовалась физически осязаемая пауза. Оправдательный аргумент Юрки был настолько неожиданным, что всех присутствующих на мостике поверг в ступор. Теперь у них проблема. То ли сделать вид, что причина уважительная, то ли посмеяться и забыть, или всё же, несмотря ни на что, взыскать с новичка по полной. Но Юрка то видел как подобрело лицо командира, почувствовал как разрядилась напряжённая обстановка на мостике. Все смотрели на командира, который пытался найти подходящие слова, чтобы с честью закончить разборку и не превратить её в «балаган».

– А что её видеть, вон она на перекуре, стало быть, подустала твоя лодка, – только и нашёлся, что вымолвить Гурьев и растерянно оглянулся на подлодку.

Замешательство на мостике противолодочника разрядил командир подлодки. Он внимательно рассматривал ходовой мостик «охотника» в бинокль и, видимо, понял, что там нештатная ситуация. С рубки лодки замигал сигнальный прожектор.

– Есть проблемы? – перевёл вопрос сигнальщик.

– Нет. На борту зайца поймали, – ответил Гурьев. Все рассмеялись, оценив меткую шутку командира.

Прожектор с лодки: « С удачной охотой. Трофеи шесть шаров; заяц и подлодка. Приятного аппетита».

Вновь дружный смех. Командир подлодки не был лишён флотского юмора.

The game is over. Корабль вернулся в базу поздно. Утром, съев свою вторую по счёту корабельную «птюху» и выслушав «отеческие» сентенции годка-декабриста, дескать, как «запитаешь» тысячную, можешь собирать чемодан на демобилизацию, Юрка ожидал персонального

вызова в штаб дивизиона. Как же они там без него, ведь, листопад никто не отменял. Но в кубрик вошёл старшина команды и, мельком взглянув на Юрку, бросил как бы невзначай: – «Алгашев швартуется в Крепостном канале».

С бала на корабль

1

Жил-был человек. Притомился он как-то в делах всяких-разных и захотелось ему присесть, хоть на минутку, дух перевести. Зыркнул по сторонам, и попался ему на глаза пенёк. Не высокий и не низкий, не большой и не маленький, а шляпка ровнёхонька, словно кто-то старался – как для себя зачищал, дабы зад часом не занозить. Так и манит, как не усесться на такой, хоть и... железный он?

«Стоять!» – за спиной зашелестело с переходом на шуршание сыпающегося с лопаты сухого песка. Не пугайтесь – то проклюнулся Юркин внутренний голос. Это ещё терпимо. Бывает, заскрежест, как ножом по стеклу – зубы во рту из ямок выпрыгивают. С возрастом, когда поубавилось у Юрки материалистической прыти, возвёл он внутренний голос в ранг ангела-хранителя и уверовал окончательно в его присутствие за спиной. Правда, хранитель этот достался Юрке малость того: всякие мелочи пропускал то ли по лености, то ли по вредности. А может – поди разберись – приучал Юрку своей головой думать и не надеяться на подсазки, следуя народной мудрости: «На бога надейся, сам не плошай»

Вот и сейчас предупреждение явно запоздало. Тощий Юркин зад всё-таки плюхнулся на соблазнительную сидушку, как магнитом притянулся Почувствовав неладное, Юрка сразу вскочил, словно присел невзначай на раскалённую сковородку. В сущности, казалось бы, ничего не произошло – уселся, не устояв перед соблазном, и, не успев опомниться, сразу встал, не зная почему, если не принимать всерьёз запоздалое предупреждение свыше.

Однако курившие на баке противолодочного корабля так не посчитали. До того индифферентные и скучные, они вдруг ожили. Когда раздался зубоскальский смех, Юрка понял, что опростоволосился.

- Ну как? На лысине боцмана сладко сидится?
- Знамо дело, кайф!
- Не каждому дано...
- Да ты сиди, сиди! Раз сел, значит, боцмана не боишься! Молодец!
- А чё его бояться? Он же не чёрт какой страшный? Очень симпатичный «сундук»...
- Особливо, в субботу вечером, когда на корабль из города на бровях дрейфует!
- Или храпит зубами к стенке!

Не поняв, что к чему и причём тут боцман с лысиной, Юрка лихорадочно соображал, пытаясь уяснить суть совершённого косяка. Он оглянулся на злополучный железный пенёк, словно от него желая получить вразумительный ответ. Железяка предательски помалкивала, мол, попался – отдувайся теперь сам, при этом по-прежнему приманивая очередную жертву удобной шляпкой. На противоположном борту корабля находилось такое же нехитрое устройство. «А ведь на нём никто не сидит, вопреки флотскому закону «лучше сидеть, чем стоять и лучше лежать, чем сидеть», значит, – осенило Юрку, – на него почему-то нельзя садиться. А почему? Да какая разница – нельзя и всё тут». Оживлённый гомон на баке не стихал. «Ничего, пусть подурчатся. В конце концов, на корабле я второй день и имею право на ошибку. Потешатся и забудут, – рассудил Юрка и приветливо заулыбался в ответ, памятуя, что по улыбающемуся лицу сердитый кулак не бьёт».

И всё бы то, но в этот момент, когда инцидент был почти исчерпан, на баке появляется ещё одна фигура. И, судя по тому, что все разом стихли, фигура серьёзная. Сцена вторая – те же и некто. Это для Юрки «некто», для остальных же – лёгок на помине – боцман противолодочного корабля мичман Кудин собственной персоной.

Скверно ещё было то, что, поднимаясь по вертикальному трапу в открытый палубный люк, он кое-что услышал, а может быть и всё.

– Что за шум, а драки нету? – и между делом, – Так! Кто чинарики за борт бросает?

– А никто и не бросает, таарищ мичман...

– А вон, едрёна корень, что болтается за бортом? Ихтияндр там, что ли, «Ватрой» перекурил и нырнул на дно чай гонять?

Это у мичмана на почве давешнего просмотра в кубрике «Человека-амфибии».

– Да то не наш, со стороны подгрёб, зараза...

– Боевой пловец! Ха-ха-ха!

– И кто эт там такой разговорчивый, как я побачу? Никак Броня? Так и есть! Вин самый! Старший матрос Бронштейн, наиразумнейший матрос в противолодочной бригаде, а может быть, и на всём флоте! Погутарь-ка с моей ж..пой, она дюже любит за жизнь философии разводить, особливо, если кок...

Громкий матросский гогот не дал боцману завершить воспитательную колкость. Броня тоже растянул рот за компанию, понимая, что боцман, нет слов, лихо подцепил его. Не дали договорить, и слава богу, ибо Кудин понял, что переборщил чуток с Броней, грубовато как-то получилось, ведь Бронштейн был толковым радиометристом и, действительно, одним из лучших в бригаде. Ну а то, что острит не в меру, так он же одессит – у них это в крови. Тут боцман, хоть и поскрёб озадаченно левой пятернёй за правым ухом, сдвинув при этом фуражку на лоб, виду о раскаянии, тем не менее, не подал и уже без обиняков мастерски осадил зарвавшихся шутников:

– Так! Отставить смехуёчки, бо пойдёте на нейтрализацию этого пловца, а заодно и ватерлинию протрёте ветошью!

Юрка глянул за борт. Действительно, в мутно-зелёной воде болтался знатный «бычок». «Как он его заметил с трёхметровой высоты бака корабля?» – удивился Юрка. И тут его осенило – ведь это же боцман, ему по должности положено всё замечать. «Надо же, по закону подлости, как раз подоспел», – запаниковал Юрка.

– И кто же это отважился мне на лысину зад свой сраный пристроить? – сменил пластинку боцман.

Даже намёков на лысину у мичмана Кудина не имелось никаких. Напротив, жёсткие смоляные волосы его, казалось, не умещались на макушке и пытались оккупировать и без того не бог весть какую территорию лба. Однако, несмотря на далеко не богатырское телосложение, вид имел он грозный благодаря крючковатому носу в окоёме чёрных без видимых зрачков глубоко посаженных глаз. Свирепости демоническому виду боцмана добавляло мастерское владение флотским жаргоном, включая его непечатный смак. В этом он хоть и уступал командиру корабля, но со временем это отставание сокращалось. К месту сказать, завзятые материалисты, к коим относил себя мичман Кудин, сквернословят до последнего вздоха.

Впрочем, несмотря на его устрашающий вид и крепкое словцо, Кудин, в общем, был безобидным малым, а боцманом отменным, строгим блюстителем морского порядка на корабле и – что важно – попусту никогда не придирался. За это он был в чести у командира, да и команда его уважала. Тем не менее, матросы его всё-таки побаивались не столь за свирепый вид, сколь за способность являться непрошеным джинном из кувшина в самый неподходящий момент. При этом устроить выволочку из крутой смеси бранных слов, едких флотских сарказмов, заезженных постулатов из корабельного устава и жизненного кодекса далёкой закар-

патской деревушки, где провёл лучшие годы жизни до призыва на флот. И всё это, заметьте, поделом!

Боцман, разумеется, знал, кто посягнул на честь корабельного кнехта, но втайне надеялся, что кто-нибудь об этом ему доложит официально. Вот тогда бы он имел полное право прибегнуть к исполнению служебного долга по воспитанию личного состава корабля. Но, будучи «сундуком» сметливым, вовремя спохватился. Ещё бы! Каким это надо быть идиотом, что бы вот так, прилюдно, взять и настучать.

– Кто такой? Почему не знаю? – с другого бока подъехал боцман. Как видите, изысканными манерами общения Кудин не блистал.

– Матрос Садовский, товарищ мичман. Вчера прибыл на корабль для дальнейшего прохождения срочной службы.

– Не успел и двух дней прослужить на корабле, а уже нарушаешь морской порядок. Если каждый на кнехт будет садиться, то наш противолодочный корабль славного Балтийского флота станет не лучше ржавой дровяной баржи.

«Ага! Чёртова железяка, на которую я присел, называется кнехтом, – смекнул Юрка, – Ясно»

– Кто у тебя в старшинах?

– Старшина первой статьи Пашков, таарищ мичман!

– А а а! Корабельный электрик, значит! Вот ты, голубок ясноглазый, и приплыл!

Присутствующие при сём дружно растянули рты. Юрка опять ничего не понял, но решил не переспрашивать, чтобы не попасть впросак. Само прояснится.

– Я-то тебя уж который месяц жду не дождусь, по ночам скупую мужскую слезу в подушку пускаю, как красна девица в ожидании пьяного лыцаря.

Здесь Кудин сделал паузу и взгляделся в новобранца. Высокого роста, худой, но жилистый. Сквозь новую топорщившуюся робу угадывались сильные мускулистые ноги. Брюнет. Взгляд коричневых глаз пацанячий, с любопытством. Нос большой с лёгкой горбинкой. «Почти как у меня, – подумал Кудин. – А ведь неплохой парень Садовский этот, старшиной будет со временем».

И, смягчившись лицом и в голосе, нарочито бодро выпалил:

– Да не бойсь ты, Садовский! Я из тебя, едрёна корень, на утээсе (УТС – учебно-тренировочное судно) настоящего борца за живучесть корабля выпестую. На всю базу греметь будешь, да что там база, на весь флот прославишься!

Эта лирико-утопическая тирада мичмана ещё больше запутала Юрку. Но что-то всё это значило, и, судя по саркастическому тону боцмана, ничего хорошего не предвещало.

– Доложи старшине о нарушении корабельного устава. Пусть просветит тебя насчёт кнехтов, ватервейсов и комингсов как следует. Он у нас дока по этой части. Моё воспитание! Кстати, про «чай на клотике» нехай не забудет.

С этими словами боцман покинул бак. Само, как видите, не прояснилось.

2

Неспроста мичман Кудин произнёс на баке необычные, на первый взгляд, слова и заинтересовался новобранцем. У него вовсе не поехала крыша, как это могло показаться Юрке. Всё проще пареной репы. Садовский пополнил отделение корабельных электриков, а по боевому расписанию электрик входит в команды, командиром которых является боцман, – баксовая швартовую команду и аварийную партию корабля. Долгое время эта штатная единица экипажа отсутствовала и, что странно, не столь сами электрики страдали от этого, сколь боцман,

которому на учениях по борьбе за живучесть корабля не хватало как раз этой пары матросских рук. Потому-то Кудин и, как он с присущим ему стёбом выразился, «пускал по ночам скупую мужскую слезу» в ожидании корабельного электрика. И вот, наконец-то, долгожданная штатная единица в лице Юрия Садовского, к радости боцмана, появилась.

В те приснопамятные годы боевые корабли русского флота не грели бока у пирсов, и первый Юркин аврал «По местам стоять, со швартовых сниматься» случился через пару дней после вопиющего осквернения им корабельного кнехта и будущей лысины мичмана Кудина.

Первое явление Садовского на баке корабля в роли швартовщика в столь напряжённый момент, как отчаливание корабля, боцмана особо не обрадовало. На все сто он был непоколебимо убеждён в том, что за пару дней из человека, бесцеремонно усевшегося на кнехт военного корабля, даже маломальского швартовщика вылепить невозможно. А коли так, то получай, боцман, лишнюю обузу – того и гляди, чтобы помощничек сей под трос не угодил или, пуще того, под шумок за борт не сыграл. Потому-то Кудин первым делом оценивающе зыркнул на крепового цвета спасательный жилет Юрки и с непонятными словами «Нежданный карась в вершу попал!» по-хозяйски дёрнул пальцем за тяжкой ремешок жилета. Убедившись в надёжности крепления, недовольно пробурчал ещё что-то безадресное и приказал Садовскому ничего не предпринимать без указания. Так новоявленный швартовый командос и проторчал истуканом возле электрического шпилья, пока корабль, всю дымя непрогретыми дизелями, не отвалил от причальной стенки.

Корабль развернулся и бодро двинулся на выход из базы. Швартовая команда выстроилась в шеренгу лицом к уходящей причальной набережной. Каких-то пятнадцать минут корабль шёл вдоль причалов к морскому каналу, но для Юрки это были минуты триумфа, пусть незаслуженного. На виду у всей базы, на высоком баке теперь уже его собственного боевого корабля, плечом к плечу с матросами, он полноправным членом экипажа выходит в море. Восторг переполняет душу, желание запеть неодолимо. И в сердце Юркином загремела во сто децибел любимая с раннего детства: «Самое синее в мире Чёрное море моё!». Про Балтийское море он песен, к сожалению, не знал. Эх, всё-таки прекрасная это штука – жизнь!

Прохожие на набережной замедляют шаги, любясь затаённой силой грозной корабельной стали. Матросики останавливаются, провожают взглядом и козыряют вслед противодочнику. «Сегодня – мы, завтра, быть может, – они». Этой мыслью Юрка уже приобщиц себя к некоему морскому братству. Корабль обогнул полосатую свечку старинного маяка и, прибавив ход, заспешил на выход в море.

Уже на траверзе бастиона «Пруссия» старой цитадели Пиллау корабль принялся усердно клевать топориним носом. Ближе к выходу в открытое море волнение усиливалось. Свежий октябрьский норд-вест забирался под бушлат, не церемонясь, вдвухался в штанины парусиновой робы и пробирал до костей, попутно разгоняя орды мурашек по ягодицам и спине. Ненастье и качка не испортили Юрке настроения. Напротив, он уловил пьянящий дух настоящего морского приключения и жадно вдыхал его полной грудью: «А как же по-другому? Так и должно быть! Всё по-настоящему, по-взрослому!»

Боцмана Кудина же предстоящая встреча со штормящим морем особо не радовала. Сколько раз он вот так выходил в море за годы службы? Должно быть, не одну сотню раз, не считал. Начинал ещё на «большом охотнике», будучи вот таким же неуклюжим новобранцем, как этот Садовский. Говорят, что все помнят свой первый выход в море. Он силился вспомнить свой и почему-то не мог. Помнил, однако, что боялся, а уж качку и сегодня терпеть

не может. Да кому она по вкусу! Не знал он таких. Только одни её переносят, другие терпят, а уж третьи страдают. Уж если написана тебе на роду «морская хворь», то лечить и не пытайся. Терпи – шторма не часты, да и служба морская не вечна.

Вот и сегодня, судя по всему, придётся хлебнуть этого зелья морского в изрядной дозе. Потому Кудин, дотоле важный и даже надменный, вдруг как-то сник, переменялся в лице и при этом излил изрядную ложку дёгтя в сладостную бочку невинного тщеславия, коим упивался Садовский, спустив его с небес морской романтики на «грешную» палубу флотской прозы словами:

– Ну что, ваше величество карась флота Балтийского, чай, поперву в морЯ идёшь? Погода шесть шаров! – И добавил уже без нарочитого пафоса: – Эх, наняремся сегодня под завязку. В канале-то как баюкает! А что творится за молотом?

3

Уж который год капитан третьего ранга Ильясов командировал на малом противолодочном корабле. В дивизионе появились молодые командиры, и как-то незаметно он превратился в эдакого дивизионного аксакала. С одной стороны вроде бы почётно, но с другой – того и гляди, как некий шустрый выскочка станет твоим командиром. Пора бы уже двигаться дальше. Друзья, успевшие подняться по служебной лестнице, прознали о том, что есть он в списке претендентов на должность командира строящегося большого десантного корабля.

«Ты уж постарайся, – советовали ему, – поднатужься, подтяни корабль до передовых, и вопрос с назначением решится в твою пользу». Ну что же, овчинка стоит выделки. Опыт и знания имеются, командирского характера не занимать. Кому, как не Ильясову, быть в передовых, тем более, в отстающих он и не числился никогда. Однако зачастую прогорал на пустяках и пальму первенства без особых душевных мук уступал более прыткому везунчику. Но плох тот солдат, кто не мечтает о маршальском жезле.

С начала нового периода боевой подготовки Ильясов рьяно взялся за дело. Первым делом решил подтянуть нормативы, то есть добиться того, чтобы действия экипажа укладывались бы в пределы установленных показателей времени. Всё более-менее получалось. Если где и были шероховатости, то тренировками они успешно устранялись. Однако имелась одна заморочка, которую Ильясову никак не удавалось разрешить. А вопрос был важным – зарядка глубинными бомбами реактивной бомбометательной установки, главного противолодочного оружия корабля. Никак минёры не могли уложиться в норматив времени загрузки, как ни старались.

«Уложись в цифру, и я тебя приголублю! – двусмысленной шуткой подбадривал Ильясов минёров, уже вконец потерявших веру в себя». И что только командир корабля не предпринимал, чтобы хоть приблизиться к заветному показателю. С секундомером в кулаке, преодолевая неудобства и узости пути, протискивался в бомбовый погреб. Хронометрировал процесс зарядки, заставляя минёров повторять его снова и снова, менял, как в крыловском квартете, загрузчиков – бесполезно. Присмотрелся, наконец, к схеме механизации и пришёл к выводу: «Что-то недокумекали разработчики».

С виду, казалось бы, всё культурно – две тали на монорельсе левого и правого бортов, как и всё на корабле. Цепляй её, родимую, за «зебры» и вежливо доставляй к подъёмнику, вставляй в гнездо, хлопай крышкой, жми на кнопку, и спина сухая. По крайней мере, теоретически. Пока возвращаешься за очередной, элеватор плавно поднимет принцессу твою на верхнюю палубу и нежненько зашлёт в ствол бомбомётной установки. Не жизнь у минёра, а малина, так бы и засылал до конца службы – одну за другой, одну за другой... Но где вы, други-море-

маны, видели на российском корабле «малину»? Ну, может, кое-кому и посчастливилось. Оно ведь бес морской тоже существо, задремлет ненароком, зенки всевидящие сомкнёт, вот тебе, нечистый, и проруха, а матросу кайф.

Не смотря на показную интеллигентность, штатный режим загрузки в лучшем случае в полтора раза перекрывал норматив, и сократить его не удавалось никак. Ну и что же, плюс-минус минута-другая! Это же не воздушный бой, где счёт идёт на мгновения.

Но Ильясов, тёртый калач, понимал, что в схватке с подводной лодкой шутки плохи и мелочи обходятся дорого. Корабль отработает залпы с обеих установок, затем пауза на зарядку, в которой каждая минута на вес золота. Не добил противника залпами первой очереди, он скроется или затаится во время перезарядки, тем более в момент взрыва бомб первой очереди гидролокационный контакт с лодкой теряется. Конечно, найдутся знатоки и скажут, что за субмариной в одиночку не охотятся, по меньшей мере, ПУГ (поисково-ударная группа), а то и всем дивизионом навалются – не упустят. И всё-таки норматив есть норматив, не враг, так инспектор взыщет по полной.

Словом, мысль о покорении норматива засела в голове Ильясова и не давала покоя, как дешёвый мотивчик, подхваченный где-то и требующий непрерывного воспроизведения. Едва ли это была идея-фикс, но Ильясов вошёл в азарт и поиск решения задачи доставлял ему даже некое удовольствие, как разгадывание сложного ребуса.

Как-то вечером после суматошного дня Ильясов у себя в каюте открыл томик Леонида Соболева «Капитальный ремонт». Не везло ему с этим знаменитым флотским романом. Много раз, начиная ещё с училища, принимался за чтение, но всегда какая-то суматоха или серьёзные события надолго лишали его возможности вернуться к книге. И когда вокруг говорили, что каждый флотский офицер просто обязан прочитать «Капитальный ремонт», он помалкивал, в душе ругая себя. Так и не удосужился, а на плечах уже погоны кап три. Вот и сейчас, пролистал три страницы, ведь захватывающе, а мысли всё равно вернулись с бронированной палубы русского линкора «Генералиссимус граф Суворов-Рымникский» в бомбовый погреб своего корабля. Взял карандаш и принялся прикидывать время, потраченное на такелажные операции с бомбой – «цепляй, транспортируй, отцепляй». Вот так так! Такелаж съедал добрую половину времени. На кой ляд такая механизация! А если без талей, вручную попробовать. Интерес ради. В кураже Ильясов уж было вызвал Комодеда – командира минно-торпедной части, но взглянул на часы.

Какой бы нелепой казалась полуночная идея командира утром, её, тем не менее, осуществили. И, знаете, получилось недурственно, почти то, что надо! Поднатужиться и, глядишь, зияющие высоты норматива рухнут к пыльным прогарам минёров. Правда, имелась одна заковыка – штурм неуступчивого показателя на корабле происходил у причальной стенки. Море, ясное дело, и это понимал Ильясов, внесёт свои коррективы. Но, как говорится, лиха беда начало.

Уже в ближайший выход в море неугомонный Ильясов был готов провести учения по зарядке реактивных установок. Однако дотошный Комодед нашёл подводный камень в этой затее и охладил пыл командира. По сути, в море заряжать установки вручную было просто некому. «Как?!» – удивитесь вы. – У причала было кому, а в море нет?!». А дело то в том, что в реальной обстановке и стрельба глубинными бомбами, и зарядка установок происходят в режиме боевой тревоги. Команда находится на боевых постах по расписанию «Боевая тре-

вога». Заряжать некому. Один минёр, который приписан к бомбовому погребу, сами понимаете, в поле не воин.

Настырность, говорят, далеко не лучшая черта человеческого характера. Ильясов был настырный. Во что вцепится, не отпустит, пока не добьётся своего. При этом характер его имел ещё одно свойство, которое как-то возвышало эту настырность. Чтобы вцепиться во что-то по-настоящему, он должен загореться этим, иными словами, увлечься. А это, согласитесь, уже другая сторона медали.

Ильясов нашёл выход, суть которого, в общем-то, лежала на поверхности. Просто на корабле, в соответствии с боевым расписанием, имелась группа матросов, которую можно было бы использовать для зарядки глубинных бомб без ущерба для боевых действий корабля. Не подумайте, это не какие-то лоботрясы и задрипы, а корабельная аварийная партия. К тому же боевой пост аварийной партии находится в матросском кубрике, под которым расположен бомбовый погреб корабля, и доступ в него через вертикальную шахту из этого кубрика. Всё как нельзя лучше.

В аварийную партию корабля входят те, без которых на реальных боевых постах можно обойтись. Боцман корабля – командир партии, далее сборная солянка: минёр, корабельный электрик, моторист, трюмный машинист, химик. Итак, пятеро, ровно столько, сколько необходимо для зарядки установок вручную, ни дать ни взять. Боцман не в счёт, он командир поста и должен остаться на связи. Правда, набор заряжающих получается случайным с точки зрения их физических возможностей, но другого не дано. Был бы комплект в наличии, но вот беда – корабельного электрика с полгода только обещают. Дефицитная позиция. Потому Ильясову более ничего не оставалось, как терпеливо ждать полного состава аварийной партии.

4

И вот на корабль пришли два новобранца, первые ласточки весеннего призыва. Основная масса флотского пополнения заканчивала обучение в учебных отрядах и должна была прибыть на корабль через месяц-полтора. Дежурный по кораблю привёл вновь прибывших прямо на корабельный Олимп – ходовой мостик, где находился командир противолодочника Ильясов. Один из них, шупловатый, среднего роста – комендор. Он слегка обескуражен прибытием на корабль и встречей с командиром. Второй – высокий худой брюнет, в широченных брюках покроя «клёш» пятидесятих годов, оказался корабельным электриком, обещанием которого уже давненько потчевали Ильясова в штабе. В отличии от комендора, он лихо представился с отданием чести под бескозырку, что на кораблях не принято.

Сколько вот таких, неискушённых в морском деле, пацанов принял на корабль Ильясов за годы командирства. С первого взгляда и первых слов почти безошибочно научился распознавать их флотское будущее: на что сгодятся на корабле, и какой толк из них выйдет. Вот новый комендор, украинец Тарасюк, будет прилежным и старательным матросом, как и большинство украинских ребят. До неба со звёздами не допрыгнет, но станет со временем старшиной комендоров и уйдёт в запас в звании старшины второй статьи. На первую статью ростом и сложением не вышел, мелковат натурой, нет в нём первостатейной харизмы. «Не быть комендору первостатейным, как и мне капризом, – с потаённой застарелой грустью подумал Ильясов».

Сам роста ниже среднего, с уже наметившимся пузцом, Ильясов давно приметил, как легко получают на погоны звёзды рослые офицеры, прощаются им и грешки, и промахи. Подходит срок, и очередная звезда скатывается им на погон. Любят на флоте больших, любят, казалось бы, ни за что, только за рост и стать. Так и старшины первостатейные – все, как на подбор, высокие, атлетически сложенные и симпатичные ребята, словно некая флотская каста избранных. Дело доходит до смешного: если какой неказистый умник за особые заслуги или таланты попадает в эту касту, его сразу же двигают выше, в главные старшины, чтобы своим затрапезным видом не портил лицо флота, институт старшин первой статьи.

И ещё одну курьёзную вещь подметил Ильясов. Получается, что звание старшины первой статьи даётся вроде бы как по знаку свыше. С какого-то таинственного момента, ни с того ни с сего на корабле начинают величать какого-нибудь второстатейного «Петровича» старшиной первой статьи. И это вопреки знакам отличия на погончиках. Если такое началось, то, хочешь не хочешь, готовь командир ближайшее представление, ибо через месяц-другой сам будешь кликать его первостатейным. Поначалу Ильясова это бесило: «Здесь на корабле вам что? Казацкая сечь? Кто на грудь больше примет, тому и „Любо“, тот и атаман!». Но потом смирился, знать, понял, что команда напрасно чинами не разбрасывается.

А вот электрик, который бойко представился Садовским, показался Ильясову «тёмной лошадкой». Было в нём что-то от избалованных столичными благами ершистых москвичей и ленинградцев, что-то от начитанных провинциальных книжников. И тем и другим начало службы на кораблях давалось не легко. К кораблю они не привязывались, при первой возможности старались сойти на берег. Начинали чудить – или писать статейки в газеты, или, пуще того, подавались в «артисты», благо в матросском клубе и театр самодеятельный, и ансамбли всякие – пой, пляши, фокусы кажи. Чем бы ни тешиться, лишь бы с корабля долой. Правда, некоторые, переболев «детской» болезнью ломки, становились неплохими специалистами и надёжными звеньями цепи, которая есть экипаж корабля.

Ильясов вспомнил матроса Валерия Нарожного. Пришёл парень с «учебки» на корабль мотористом. Начал статейки кропать во флотской газете, а во время ремонта корабля в Либаве пришёл приказ о его переводе на расконсервированный крейсер «Октябрьская революция». Ильясов и сам любил большие корабли, особенно крейсера. Потому мог бы понять Нарожного, уйди он на крейсер по специальности. Но, как оказалось, пристроили его в корабельную многотиражку. Заприметил его по публикациям редактор «Боевого курса», газеты крейсера «Октябрьская революция», некто капитан третьего ранга Николай Жичкин и перевёл Нарожного к себе в редакцию.

Однако жизнь показала, что Нарожный не «косил» от корабельной службы, а следовал призванию свыше. После службы закончил факультет журналистики Киевского университета и стал прекрасным журналистом. Стало быть, неспроста «пописывал статейки» матрос Нарожный.

Неясность с личностью нового электрика немного смутила Ильясова, и он, вопреки своему правилу попусту не вступать в разговор с матросом, задал вопрос. Нет, чтобы спросить, как принято, мол, из какого учебного отряд прибыл, он так некстати осведомился о его росте, тем самым высветив свой не ахти какой. Электрик ответил и тут же добавил, что комиссия во флотском экипаже не рекомендовала направлять его с таким ростом на корабль, но он упрямился. Ильясов скривился, не любил он трёп. Спросил командир – отвечай лаконично на вопрос, и никаких экскурсов. Знать, плохо муштровали в «учебке», гражданку не вытрясли. Однако

смолчал и было уж закончил аудиенцию, но, вспомнив, что электрик упомянул флотский экипаж, решил уточнить:

– Из какого учебного отряда прибыл?

К удивлению, Ильясов вновь получил не по-военному пространный и неожиданный ответ. Оказалось, что ни в какой «учебке» электрик не обучался. Призван на флот по окончании энергетического техникума. Курс молодого бойца и курс подготовки младших командиров прошёл во флотском экипаже за три месяца. Ильясов беззвучно чертыхнулся: запрашивал простого электрика – прислали невесть кого: то ли матроса, то ли старшину, то ли электрика, то ли техника. Но на флотах не выбирают, довольствуются предложенным. И за то спасибо.

Тем временем комендор продолжал преданно пожирать взглядом командира, а электрик украдкой уже стрелял глазами по «непонятым штуковинам», установленным на корабельном мостике. Ильясов снисходительно усмехнулся, приняв это за лишнее доказательство недостаточной муштровки новобранца. Но такое, хоть и незначительное на первый взгляд, неуважение старшего по званию не возмутило его. Быть может, нетерпеливое детское любопытство электрика и помогло Ильясову определиться в его экспресс-оценке.

В этот момент командир боковым зрением заметил, что внизу на шкафуте открылся люк поста энергетика, и на палубу поднялся старшина корабельных электриков Сергей Пашков. Выше среднего роста, поджарый, с рельефной мускулатурой, проглядывающей сквозь узкую, застиранную до голубизны, без единого пятнышка голландку.

Круглая, коротко подстриженная голова боксёра на длинной, но мускулистой шее опиралась на широкие, крутые плечи. На левом рукаве голландки бело-синяя повязка – знак того, что Пашков является дежурным электромехаником корабля.

«Вот классический старшина первой статьи, во всём безукоризнен, – подумал Ильясов, с удовольствием наблюдая, как Пашков по-спортивно легко поднялся на палубу шкафута и опустил крышку люка. – Неспроста старшина корабельных электриков появился на шкафуте, видимо, узнал новость, что пришло к нему пополнение, а, быть может, и замена. Ему-то в запас уходить через год».

Ильясов вновь обратил взор на новиков. Комендор по-прежнему не сводил глаз с Ильясова. Садовский тоже смотрел на командира, понимая, что разговор закончен. «Надо бы тебя проверить, парень, – мысленно обратился к электрику Ильясов, – могу ли я на тебя положиться?» Только увидев на шкафуте Пашкова, он осознал, что через год, возможно, этот парень станет единственным кандидатом в старшины корабельных электриков. Сумеет ли он за это время освоить сложное электросиловое хозяйство корабля?

5

Случай проверить нового электрика представился несколько дней спустя. А началось всё так. Команда готовилась к утреннему подъёму флага, как затрезвонили звонки. Аврал! Корабль экстренно к бою и походу изготовить! Это был второй выход Юрки в море. Первый пришлось совершить в ущербном качестве военно-морского пассажира, весь боевой поход пребывая в кубрике другого противолодочника, на который его временно определили ввиду отсутствия в базе «родного» корабля.

На сей раз всё происходило иначе. Впервые Садовскому пришлось работать по боевому расписанию «Боевой номер». Расписания того он ещё не ведал, но когда на корабле был сыгран

сигнал «Аврал. По местам стоять, со швартовых сниматься!» старшина Пашков направил его в распоряжение баковой швартовой команды, под начало корабельного боцмана Кудина. Того самого, кто на выходе корабля из базы в открытое море так безжалостно прервал почивание Юрки на лаврах «морского волка», наградив его попутно званием «карася».

Разумеется, Садовский уже был осведомлён о том, что молодых матросов на кораблях называют «карасями». До службы было знакомо слово «салага», означающее в пренебрежительно-шутливом просторечье неопытного новобранца, только что сменившего гражданский прикид на военную форму. Однако оказалось, что на кораблях это слово вообще было не в ходу. Прибывшие на корабль матросы звались «карасями». Карась – небольшая по размерам рыба семейства карповых, обитающая в реках и речушках России, бог весть за какие заслуги удостоилась чести войти в классику военно-морского жаргона.

Когда и откуда пошло сие поветрие? Неизвестно, но кое-какие идеи навеивает. Ведь антиподом карася, как известно, является щука, которая на то и водится под водой, чтобы карась не дремал. В звании «карася» новые матросы пребывают обычно до прихода на корабль пополнения следующего призыва, и дремать им уж точно не приходится как в прямом, так и в переносном смысле. Само по себе название это безобидное, ну карась и карась. Впрочем, когда процедят тебе сквозь зубы: «Кар-рась», то уже начинает цеплять, а если – «Каррась сраный», то, согласитесь, налицо явная обструкция вашей юной чувствительной персоны.

Боцман назвал его просто «карасём», без зла и даже как-то по-отечески. Но произошло это впервые, первый раз в лицо Юрку назвали «карасём», да ещё в такой торжественный момент выхода корабля в боевой поход. Получилось, что на высоком баке набирающего ход корабля, рядом с грозной установкой реактивных глубинных бомб мичман Кудин, сам того не ведая, возвёл Садовского в ранг «карася» Балтийского флота. Стало быть, до этого аврала Юрка, по сути, и «карасём» то не был! Что же, остаётся поздравить себя с первой ступенькой флотской карьеры!

В ответ на словеса боцмана Юрка промолчал. Хоть они и были обращены к нему, но как-то риторически. Конечно, можно было бы приколоться – сердечно поблагодарить за присвоение звания «карася» или же удивить боцмана тем, что в море он выходит второй раз. Но, согласитесь, не место для этого и не время.

Другое, тем не менее, насторожило в словах боцмана. «Как перенесу сильную качку, ведь прошлый выход в море был не чета сегодняшнему? – встревожился Юрка». Укачиванием он вроде бы не страдал, но такой сильной качки испытывать ему не приходилось. О «морской болезни», которой была подвержена часть экипажа, Юрка уже был наслышан. Похоже, именно сегодня он получит ответ о своей устойчивости к укачиванию. Громкий непрерывный звонок колоколов громкого боя прервал его думки. Боевая тревога! Корабль выходит в открытое море.

Команда опроретью разлетается по боевым постам. Полсотни матросских душ мгновенно канут в стальное чрево корабля, напичканном под завязку вторящим на разные лады мудрёным железом, хитроумными приборами и проводами. Натерпевшись от ненастья, баковые швартовщики с радостью ныряют в люк носового матросского кубрика, спасаясь заодно от пронизывающего ветра, ледяного жемчуга брызг из под форштевня и удушливого дыма газовыхлопа двигателей. Наглухо задраиваются двери, люки, иллюминаторы. Корабль вмиг обезлюдел, и только человеческое присутствие на ходовом мостике не позволяет ему уподобиться «летучему голландцу» 20-ого века.

За волнорезом море, словно из засады, с размаху наваливается на корабль, молодецки пробуя на зуб его корпус и людей внутри него.

По сигналу «Боевая тревога» баковая швартовая команда вмиг перевоплощается в аварийную партию корабля – специализированное подразделение по борьбе за живучесть корабля. Командир её тот же – един в трёх ипостасях мичман Кудин, крикливый, но в общем безобидный «сундук». А боевым постом ей служит баковый матросский кубрик. Казалось бы, неплохой боевой пост – чисто, тепло и тихо. Но нет добра без худа. В носовой части корабля качает в разы больше, чем в корме. Особенно досаждают килевая качка, амплитуда которой достигает порой двух метров. Несколько секунд палуба кубрика устремляет вашего брата на небеса. Недолго, однако, длится восторг вознесения. Опора под ногами, ещё секунду назад уверенно толкающая вас вверх, начинает вдруг проваливаться в тартарары, стремительно ускользая из-под ног. Тело не успевает за ней и судорожно пытается уцепиться за что попало, чтобы не воспарить окончательно. Внутренние органы, следуя своим законам, дружно устремляются вверх, пытаясь протиснуться через гортань и покинуть брэнное матросское тело. Да, с десятков таких циклов для забавы или нервишки пощекотать – ништяк, но совсем другой колленкор, когда от этого некуда деться. Нет кнопки «стоп» для этого аттракциона. И с каждым очередным циклом «вверх-вниз» становится всё муторнее. Неодолимо тянет прилечь. Да кто же вам позволит лежать, когда корабль расписан по боевой тревоге? Впрочем, бывают моменты...

Многие помнят замечательный старый анекдот с очень полезной двойной моралью. Один человек после смерти попал в ад за земные прегрешения. Но нашлось у него одно доброе дело, которое он совершил при жизни – перевёл слепую старушку через дорогу. Получил он за это право самому избрать вид адских мук. Идёт он по аду, и ничего ему не подходит, всё плохо. Вдруг видит громадный чан, наполненный фекалиями. Стоят в нём по пояс мужики, курят сигары и спокойно беседуют о чём-то. Лучше не придумаешь. Выбрал. Не успел залезть в чан и закурить, как бежит адский менеджер с будильником в руке и кричит: «Кончай перекур, хлопцы, погружайся с головой! Я будильник на тысячу лет поставил».

Нечто подобное происходило в матросском кубрике. Как только баковые швартовщики залетели в кубрик, тут же развалились по рундукам, свесив прогары. «Вот так боевая тревога, – мелькнуло у Юрки. – Это они что, к бою так изготавились? Красиво живут». Подумал так, потому что не знал всего, как тот мужик из анекдота. Не подозревал, что кубрик, такой тёплый и уютный, лишь временное пристанище аварийной команды, не ведал того, что знали бывалые – валяться им более пяти минут никто не даст, потому лови момент.

Мичман Кудин, командир аварийной команды, разумеется, не брыкнулся на рундук, а взял микрофон «Каштана», внутрикорабельной системы связи, и строгим взглядом обвёл кубрик. Все лежали, только Садовский предпочёл стоять. Не мог он, юный максималист, смириться с тем, что по сигналу «Боевая тревога» кто-то валяется на рундуке. «Ну, сейчас боцман поднимет этих лежебок, – подумал Юрка». Однако Кудин повёл себя странно, именно Юркино боевое положение ему почему-то пришлось не по душе.

– Садовский, ты что, пиллерс? На тебе ничто не держится. Атлант, едрёна корень! Сядь на рундук и не маячь перед глазами! – не без ехидства выдал боцман и щёлкнул тумблером «Каштана».

– Таарищ командир! Боевой пост номер один к бою изготавлен. Командир поста мичман Кудин.

– Есть, – прозвучало в ответ голосом командира.

«Знал бы командир, как мы тут, на боевом посту, да ещё номер один, к бою изготавились» – усмехнулся про себя Юрка.

Знал Ильясов, конечно же, знал, что у аварийной партии, по причине отсутствия в матросском кубрике каких бы то ни было технических средств и оружия, подготовка к бою сводится к одному: задраили люки, двери, иллюминаторы и доложили, что к бою готовы. Отрапортовали – и по рундукам бездельничать.

Но у командира имелись в запасе два способа кардинально прекратить постыдное ничегонеделание в кубрике: или отменить боевую тревогу и объявить вахтенный режим службы на корабле, или же начать корабельные учения по борьбе за живучесть, главной действующей силой которых является аварийная команда. Руководит учениями обычно старпом, а у командира камень с души – и аварийной команде дело достойное нашёл, чтобы не бездельничали, и старпома службой загрузил, чтобы за спиной не сопел. И пошло-поехало. Всем весело, только аварийной команде горе. Помыкайся по кораблю с домкратами и пластырями, да в качку, до тех пор, пока или командиру не надоест эта суета, или у старпома фантазия не иссякнет выдумывать мнимые пробоины, или же время обеда-ужина не подоспеет.

Всё это Юрка узнает и поймёт позже, а пока Ильясов задумал для аварийной партии другую забаву. Ведь руки у него давненько чешутся, уж очень ему хочется бомбы в море позаряжать.

6

В открытом море качка усилилась. Кубрик, где укрылась аварийная партия, ходил ходуном. Все молчали, лишь хоровое звяканье матросских мисок в посудном шкафчике, разноголосые скрипы и скрежет подвешенных на цепях коек сопровождалась глухими ударами волны о борт корабля. Юрка, следуя указанию боцмана не маячить перед глазами, присел на рундук по соседству с рундуком, на котором, свесив ноги, растянулся моторист кормового машинного отделения старший матрос Пастика.

«Что бы это могло значить – пиллерс, – размышлял Юрка, вспоминая едкое замечание мичмана». Уж было обратился с вопросом к Пастике, но с удивлением заметил, что он, похоже, спит. Скорее, не заметил, а услышал сопение, переходящее, по мере погружения Пастики в глубокий сон, в банальный храп.

Подозрительные звуки донеслись и до боцмана, сразу же определившего, от кого они исходят. Нет! Ну валяться на рундуке во время боевой тревоги на корабле куда ни шло, но спать, да ещё так вызывающе сладко похрапывать... Такое безобразие старый военмор Кудин стерпеть не мог.

– Ну-ка, Садовский, торкни того эстета в бок, да посильнее, органы пищеварения не жaley, меньше казённый харч переводить будет!

Слово «эстет» было любимым словом боцмана. Где его подцепил, он уж и не помнил – то ли в газетке, то ли от давно выслуживших сроки «старших товарищей». Слово ему сразу пришлось по вкусу, хотя толком не ведал его значение. Напомнило оно другое слово из послевоенной юности, бывшее в ходу в те лихие времена – кастет. Чувствуете, какая рифма сумасшедшая у этих слов, так и просится в стих! Кудин не преминул его сочинить: «ДолжОн быть в кармане кастет, если ты настоящий эстет» и порой использовал в нравоучительных спичах, как прибаутку, для придания своим словам глубокого философского смысла.

Бывалый, говорят, солдат спит, да всё видит. Старший матрос Пастика, прослуживший почти два года на корабле, не только всё видел, но и слышал. Потому после возмущённой тирады боцмана храп резко прервался, но Пастикины глаза по-прежнему оставались закрытыми. Возможно, он проверял Садовского – торкнет или побоится. Юрка и не думал бояться, да и торкать не собирался – мало ли чего тебе прикажут. К тому же, по всему было видно, что Пастика очнулся, но притворяется – соблюдает подобающую его статусу солидность.

Наверху вдруг зашумело и забулькало, словно кто-то дёрнул ручку громадного унитаза. «На верхней палубе вода, – догадался Юрка и, с опаской взглянув на подволок кубрика, перевёл вопросительный взгляд – уж не тонем ли? – на боцмана».

– Что, Садовский, не хочешь помирать? Плавать-то умеешь? До берега ещё недалече, саженьками домахаешь... – криво усмехнулся Кудин и, словно спохватившись, по-отечески успокоил Юрку, – Не бойсь, выдюжим. То шальная волна хлестанула на бак. Не ровен час, по гюйсшток окунёмся, и то не беда.

Боцман глянул на часы. Прошло уже почти полчаса, как его команда задраилась в кубрике. Кудин знал, что по выходу из базы через десять-пятнадцать минут командир или начинает корабельные учения по борьбе за живучесть, или объявляет «Отбой боевой тревоги – первой смене заступить». Что там они на мостике, заснули, как у меня Пастика?

Признаться, Кудин с утра сам был не в своей тарелке. Ночью просыпался, пил из бачка тёплую воду с металлическим привкусом, а в голову лезла всякая дребедень. Уж скоро стукнет тридцать пять, а у него ни семьи, ни дома. Обитает на корабле в тесной мичманской каюте. По субботам шляется по разведёнкам. Ведь с ними проще – взял бутылку, шмат колбасы да батон ещё не забудь прихватить – у них вечно не бывает хлеба – и «вечер отдыха» гарантирован. Сколько это может продолжаться? Надо что-то менять в жизни, но как?

Словом, не выспался и сам был не прочь вздремнуть часок. А здесь – неожиданный выход в море, да в такую погоду. Волна, небось, до пяти баллов разгулялась. Что им там, в штабах, не сидится? Надо же было отправить корабль в море под предельное волнение. Здравым умом Кудин понимал, что не прав, что в любой момент и в любую погоду может быть нарушен граница территориальной вод, и потребуются вмешательство кораблей охраны водного района, но раздражение, исходящее изнутри помимо его воли, не давало покоя. «Эх! Соснуть бы часок и всё бы устаканилось! А здесь ещё „молодого“ подвесили. Сразу видно, что пацан не обучен, никакой флотской подготовки, за ним глаз да глаз. Говорят, дипломированный техник, молодец – „гражданка“ гарантирована, не то, что у меня».

Кудин вновь посмотрел на часы. «Пора, пора. Впрочем, раз мостик не даёт отбой, значит, имеются на то веские причины, – начал размышлять Кудин. – Получили, к примеру, целеуказание из штаба базы и сразу легли на боевой курс. Или же командир решил от непогоды подстраховаться, мало ли чего. Возможно, что-нибудь ещё придумал – с него станется, с этого Ильясова!»

7

Уж пятый год командовал кораблём Ильясов. Жарким летом 1963 года пришёл он на противолодочник, когда корабль готовился к заводским ходовым испытаниям. До этого был командиром «большого охотника» и его, перспективного молодого командира, направили на строящийся малый противолодочный корабль нового проекта.

Об этих кораблях было много разговоров, судя по которым они как небо от земли отличались от «больших охотников», хотя шли им на замену. На Балтике их ещё не было, и воочию никто не видел. Но слухами земля полнится...

Когда Ильясов впервые увидел свой корабль у причала керченского судостроительного завода, на мгновение замер и, не двигаясь, ещё несколько минут наслаждался его диковинным силуэтом. Высокий бак с острым агрессивным форштевнем придавал кораблю изящную стремительность, чуть выпуклая палуба в районе бака и надстройки плавно переходила в лёгкую седловину в районе небольшого шкафута и шканцев. Правда, несколько громоздкий полуют с двумя рядами воздухозаборников – «горбов» – диссонировал с гармоничной архитектурой передней части корабля и тяжелил его энергичный силуэт.

Вот то-то и оно, Ильясов знал, что скрывалось за отвесными бортами громоздкого полуюта. То, чего до последнего времени ещё не было ни на одном корабле советского военно-морского флота – две мощнейшие газовые турбины, с помощью которых этот противолодочный перехватчик разгоняется за минуты до тридцати пяти узлов, а на «мерной миле», говорили, и до сорока дотягивает. Фантастика!

Корабль оказался лучше, чем он ожидал увидеть. Определённо, «большой охотник» не мог тягаться с таким красавцем, к тому же вооружённым до зубов. Ильясов, минёр по военной профессии, сразу же впился взором в две причудливые установки на баке и на передней части надстройки. Вот они, в ту пору ещё секретные реактивные бомбомётные установки РБУ-6000, о которых с придыханием рассказывали друг другу минёры балтийской базы. Двенадцать стволов, уложенных по кругу, законченное произведение военного дизайна, ни отнять, ни добавить, не перевелись ещё гении на святой Руси. Зап из всех двенадцати... Что устоит против этого?.

И про пушку, которая красовалась на шкафуте, также был наслышан. Говорили, что пушка та оказалась настолько удачной, что её включили в новые проекты кораблей всех рангов, находящихся на стапелях всех кораблестроительных заводов страны. Калибр 57 миллиметров о двух стволах, сумасшедшая скорострельность, это тебе не 32- миллиметровые мухобойки, которыми были вооружены все корабли от крейсеров до тральщиков для отражения воздушных атак. И, опять же – дизайн!

Старший лейтенант Ильясов с интересом рассматривал орудие и находил его не менее прекрасным, чем его родные бомбомёты. Башня пушки представляла оригинальную комбинацию сферы и косоусечённой пирамиды. Пушка настолько не походила на своих предшественниц, что, казалось, сошла с иллюстрации к фантастическому роману. Впрочем, это можно было бы сказать и обо всём корабле. Лаконичный, агрессивный силуэт, размерные пропорции отточены. «Небось, замрёт, сердечко командира подлодки, узревшего в перископе такого зверя, – думал Ильясов, наслаждаясь видом корабля».

В нелёгких служебных буднях незаметно пролетели годы. Ильясов знал корабль, как свои пять пальцев, изучил возможности корабля, все его повадки и особенности. Подводники, с которыми отрабатывались задачи поиска, слежения и уничтожения подводных лодок, побаивались Ильясова, знали, что шутки с ним плохи. От него не скроешься, всякие хитрости и уловки тоже не срабатывают. Если контакт взял, то уже не упустит, бульдогом вцепится и будет скрежетать по корпусу ультразвуком, пока подводники не захихуют и не всплывут, чтобы раскурить трубку мира.

Однако со временем азарт охотника за подводными лодками у Ильясова поугас. Год назад присвоили ему капитана третьего ранга, первый кап-три среди командиров дивизиона. Но радость получения звания омрачалась сознанием того, что в его служебном положении ничего не изменилось. Выслужил он это звание по годам – и всё.

Капитан третьего ранга Ильясов понимал, что засиделся, что пора ему уже принимать большой корабль. Ещё год-два, и выпадешь из обоймы перспективных командиров. Тогда прощай командирство, прощай море, и путь ему дальнейший светит в околоторабельные или штабные чиновники, коих великое множество на флоте. В душе же и по крови он был командиром, любящим власть, умеющим приказывать и добиваться выполнения приказа, быть решительным и оперативным в любой обстановке, способным подчинить коллектив далеко не самых слабых мужиков и пользоваться их доверием. Командирами рождаются и только потом становятся.

8

– Так вот где собака порылась! – вырвалось у Кудина, когда подозрительно долго молчавший мостик проклюнулся командой: «Аварийной партии приготовиться к зарядке реактивных установок!» Для боцмана это был не худший вариант. В этой командирской забаве он лично не участвует и может позволить себе кемарнуть, пока его бойцы ворочают бомбы. По опыту он знал, что учения по загрузке глубинных бомб продлятся не менее часа.

Садовскому команда эта ни о чём не говорила, но то, что она не по нутру бойцам аварийной партии, он без труда вычислил по их скисшим физиономиям. Впрочем, не у всех. Юрка с удивлением заметил, как преобразилось дотоле безразличное, мясистое лицо минёра – мутноватые с краснинкой глаза хищно засверкали, как у орла, завидевшего с высоты беззащитного зайчонка. Минёр бодро встал с рундука и живо направился к люку, расположенному прямо посередине кубрика.

– Вот зверюга, – буркнул трюмный машинист Галузов, пожелтевшее лицо и бескровные губы которого красноречиво свидетельствовали о плохо переносимой им качке. – Мослами не корми —дай с бомбами порезвиться, конченный «румын».

Трюмный, будучи уже по второму году службы, знал, что предстоит в ближайший час боевой подготовки – пренеприятнейшая процедура зарядки реактивных установок.

Минёр тем временем отдраил люк, откинул крышку на фиксатор и, на удивление, легко и быстро для своей с виду неуклюжей фигуры исчез в тёмном проёме. Теперь-то Юрка смекнул, что этот невинный с виду люк, расположенный посреди кубрика, есть ни что иное, как вход в бомбовый погреб. Вслед за минёром так же проворно скользнул вниз корабельный химик с замечательной фамилией Вишнёвый. Хотя он находился в чине старшего матроса и служил второй год, на корабле его звали «боцманёнок». Почему? Да потому, что, во-первых, по штату входил он в состав боцманской команды, а во-вторых, как его такого небольшого росточка, с ясным детским голубоглазым лицом, да ещё с эдакой «лошадиной» фамилией, изволите звать?

В кубрике осталось трое, если не считать мичмана Кудина, который, судя по всему, и не собирался нырять в проём таинственного люка. Кто следующий? Моторист с одной лычкой на погоне, хитроватый молдаванин Пастика, видимо, считая, что бомбовый погреб не то

место, куда стоит поспешать, личному примеру минёра не последовал и боевым задором «боцманёнка» не проникся.

Трюмач Галузов, терзаемый приступами морской болезни, похоже, потерял интерес к службе и выбиться в отличники «боевой подготовки» не стремился. Получалось, что следующим должен быть Садовский, матрос первого месяца службы на корабле, только что на виду всей военно-морской базы возведённый в ранг «карася» Балтийского флота. Чёрный квадрат на палубе кубрика манил неизвестностью. Острый холодок предчувствия опасного приключения приятно защекотал меж лопатками. Бомбовый погреб, чёрт возьми! От одного названия мороз по шкуре! Садовский решительно погрузился в чёрную пасть люка вслед за минёром и Вишнёвым.

Спускаться по вертикальному трапу в бомбовый погреб так же просто, как и по лестнице в домашний погреб за солёными огурцами. Так же, если бы не ужасная качка, которая сводила на нет опыт спуска в обыкновенный погреб. Единственно, что придавало уверенности в укрощении трапа, который как необъезженный жеребец, изо всех сил старался сбросить с себя непрошеного гостя, было то, что сорваться с него просто невозможно. Вертикальная шахта настолько узка, что постоянно спиной ощущается металлический холод противоположной стенки.

Внизу послышался металлический скрежет отдраиваемого люка, засовным железом звякнул фиксатор. Пахнуло сырым холодным воздухом, насыщенным крепким коктейлем запахов металла, краски, смазки и чего-то ещё незнакомого и, как показалось Юрке, опасного. «Запах бомб», – молнией пронеслось у него в голове. Мурашки кавалерийской лавой прокатились по спине, но не от страха, а скорее от острого любопытства.

Если тебе нет и двадцати, сила болезненного любопытства бывает непреодолима. Здравый смысл шепчет: «Стой, не иди, не смотри, оно тебе надо?», а какая-то сила, бесова что-ли, гонит тебя вперёд: «Иди, иди, посмотри, ну хоть краешком глаза, что там такое?». Молодость, считает зрелый человек, безрассудна, она любопытна и любит играть, но нет на земле игры азартнее, чем игра со смертью. Недаром в старину поговаривали, что молодые должны учиться у стариков по-настоящему любить жизнь, а старики у молодых – по-настоящему любить смерть. Но хватит философии.

Пережидая очередной провал корабля, при котором спускаться по вертикальному трапу практически невозможно, Юрка глянул вниз. Минёр включил освещение погреба. Проём люка на дне шахты, тускло отсвечивая красноватым светом, словно вход в преисподнюю, притягивал неизведанным. Вишнёвый уже исчез в погребе, путь был свободен.

В квадрате открытого люка показалось уродливо искажённое боковым освещением лицо минёра, которое что-то рывкнуло, но акустика шахты донесла до слуха лишь бессвязный набор резонирующих звуков. Не составляло труда догадаться, что минёр поторапливал оставшихся в кубрике. Корабль в тот момент полез вверх, и Юрку потянуло вниз, только ноги успевай переставлять с одной ступеньки на другую. Он быстро достиг люка бомбового погреба и продолжил спуск по трапу уже в самом погребе. Увидев электрика, минёр то ли вопросительно, то ли удивлённо хмыкнул. Вишнёвый приветливо осклабился во весь рот. Наверняка ожидали увидеть другого бойца аварийной команды. Минёр снова заорал в люк, а Юрка осмотрелся на новом месте.

Вернее, попытался осмотреться, но вмиг его вниманием завладели они, и Юрка, инстинктивно прошептав детское заклятие «Чур меня», как замороженный, уже не мог отвести от них глаз. Сравнительно небольшое низкое помещение было сплошь заставлено сигарообразными штуками шарового цвета. Так вот они какие, настоящие реактивные глубинные бомбы! Они оказались большего размера, чем Юрка предполагал. Их ровные ряды и высота с человеческий рост создавали странное впечатление, что это закованные в броню живые солдаты, вытянувшись во фронт, замерли в строю в ожидании команды командира. Они вместе с кораблём, не нарушая строя, в грозном молчании то взмывали вверх, то летели вниз и единой несокрушимой глыбой переваливались с борта на борт. От этой безумной мысли и их ужасающего вида у Юрки на лбу выступила испарина. «А если, не дай бог, рванёт, – суетливо закопошилась в Юркиной голове ещё одна паническая мыслишка, – расщепит на атомы, мокрого места не останется». Под голландкой гулко застучало сердце, кровь забила в висках, язык во рту приклеился к нёбу.

– Сколько их здесь? – не оборачиваясь, с хрипотцой от волнения спросил Юрка.

– Штатный комплект, девяносто шесть, – с гордостью произнёс минёр, словно это были не глубинные бомбы, а поросята в его личном свинарнике.

Боцманёнок Вишнёвый с детской непосредственностью продолжал доброжелательно скалиться, и, видимо, разгадав Юркины страдания, обыденно, словно в курилке, произнёс:

– Да не рванёт, не боИсь! У них тройной предохранитель на взрыв. Не ты один такой, у меня поперву очко ещё как скрипело от страха.

У Юрки отлегло. Ему стало стыдно за минутную слабость, и он демонстративно отвернулся от этих «железяк». Так он в мыслях оскорбил грозное противолодочное оружие в отместку за испытанное унижение.

9

Казалось, что в погребе качает сильнее, чем наверху. Как и в настоящем деревенском погребе, где хранятся съестные припасы, в бомбовом погребе было холодно, но вы разве почувствуете укус комара при встрече с тигром? При виде контингента начинённых взрывчаткой адских шуток Юрку едва в жар не бросило, а вы говорите «холод».

Но вот в проёме люка нарисовались по-хозяйски нагуталиненные прогары моториста Пастики. Чуть погодя по трапу достиг погреба и трюмный Галузов. Лицо его просилось на кисть иконописцу для написания образа страстотерпца. Со стоическим терпением он переносил «морскую болезнь» и не просил, и не надеялся ни на какие побрякушки на свой счёт. Вся заряжающая команда была на месте, мичман Кудин, как вы уже догадались, в её состав не входил.

Минёр Яцев, распорядитель предстоящего действия, окинув взглядом участников, остановил свои рыбки зенки на Садовском и призадумался. Юрка, посчитав, что хозяин бомбового погреба оценивает его пригодность к предстоящей богатырской забаве, расправил плечи и выкатил грудь. Сильно сказано – да какие там плечи у пацана ростом 183 см и весом 75 кило? Селёдка, если не сказать обидное «глиста»! Зато, к Юркиной радости, качка на него практически не влияла. Испытывая лёгкую эйфорию с примесью куража типа «Эх, где наша не пропадала!», он был бодр, полон сил и энергии! Тем более, он видел, в каком плачевном состоянии находится трюмный, как изменился в лице моторист. Даже морской волк, выдавший виды мичман Кудин, который час назад на баке страшил его пятибалльным штормом, нахохлился, как

воробей в ненастье, поскучнел и притих. Так что Юрка ответным, уверенным в себе взглядом как бы говорил минёру, мол, гляди, какой я огурец и готов к выполнению задачи без всяких.

Но Юркина показуха минёра почему-то не впечатлила. Напротив, его лицо при виде Садовского помрачнело, словно минёр, присмотревшись, вдруг вспомнил, что когда-то уже встречал этого типа, и новая встреча не сулила добра. На самом же деле его, хранителя корабельного боезапаса, поразила острая и ясная, как отточенный до блеска клинок, мысль, что человек этот не должен находиться в бомбовом погребе, помещении со строго ограниченным доступом персонала. От осознания того, что он допустил проникновение в погреб постороннего лица, лоб у него покрылся испариной, несмотря на собачий холод, царящий в отсеке. Минёр сдёрнул с головы берет и провёл им по лицу. Ведь ему никто не давал приказаний на доступ электрика в погреб ни устного, ни, тем более, письменного. А кто он такой, этот «карась»? По корабельным меркам – никто, ноль без палочки, «дух». Третий день на корабле, не сдал экзамены по книжке «Боевой номер», по устройству корабля, не допущен к самостоятельному обслуживанию заведования. Да что там заведование – не допущен к бачкованию в кубрике!

«Отправить наверх в кубрик, – впопыхах уж было решил минёр, но вид никакого трюмного и дремлющего на ходу моториста его отрезвил». Минёр щёлкнул тумблером переговорного устройства.

– Бомбовый погреб, старший матрос Яцев. Товарищ главстаршина, прошу разрешение на допуск в бомбовый погреб молодого электрика.

– Какого ещё электрика? Яцев, там тебя что, укачало?

Минёр понял, что старшина минёров Чирков понятия не имеет о прибывшем на корабль электрике. Это усложняло дело.

– Матрос Садовский прибыл на корабль три дня назад. Сегодня работает в составе аварийной партии по боевому расписанию.

– Ты что, хочешь его заставить бомбы загружать? – догадался Чирков

– А больше некому. С ним как раз комплект.

– Ну, так в чём дело? Давайте, вперёд! И воду, Яцев, не мути, без тебя тошно!

– Товарищ старшина, Садовский не имеет права доступа в бомбовый погреб... Короче! Прошу дать разрешение на его пребывание в отсеке на время проведения учений по загрузке бомбометательных установок.

– М-м-м... – красноречиво промычал Чирков в ответ. – Да у меня вроде бы тоже таких полномочий немає. Не облечён... Лычек, друже мий Яцив, не хватает, – помягчел старшина. – Подожди-ка, «бычка» поспытаю. До побачення, пан Яцив.

То, что главстаршина Чирков с командирского официоза перешёл на хохляцкий волапук, явно свидетельствовало о его замешательстве, дескать, «да мы тоже серые, что с нас взять».

– То-то! – откинув тумблер, ядовито произнёс минёр. – А то давай-давай! Вот и давай! Бомбовый погреб це вам не матросский клуб с вертихвостками. Вот там дают, так дают и фамилию не спрашивают...

Садовский переговоры минёра слышал и, конечно же, всё понял. Понял, что бомбовый погреб это не проходной двор, а помещение со строгим режимом допуска персонала, и посторонних людей здесь быть не должно. Поразмыслив ещё немного, он проникся чувством собственной вины, ведь ему никто не приказывал спускаться в погреб. Полез, что называется, «поперёд батьки в пекло». Этак с дури можно таких чудес натворить...

Включился «Каштан»

– Пост управления стрельбой глубинными бомбами. Главстаршина Чирков на проводе. Яцев, Садовский рядом?

– Так точно, товарищ главстаршина.

– Садовский, поздравляю! Три дня на корабле, и уже персонально занесён в бортовой журнал. Далеко пойдёшь. Адмирала не обещаю, но до комдива в аккурат дотянешь. Короче, командир в бортовом журнале записал тебе допуск в бомбовый погреб. Так что, захочешь покемарить – заходи к нам в погреб и храпи в обнимку с нашими кралями. Ты же видел, какие они стройняшки-соблазняшки! К тому же безотказные... – не удержался от сарказма Чирков.

Даже предсмертный Галузов попытался изобразить на песочном фоне лица некое подобие улыбки. И то хорошо, значит, жить будет.

– Яцев! Провести с электриком краткий вводный инструктаж. Даю пять минут, о выполнении доложить.

Минёр Яцев хохол, потому приказы командиров выполняет неукоснительно и ревниво, тем паче времени ему Чирков отпустил в обрез. Конечно, после принятых им мер по соблюдению статуса бомбового погреба Яцев остался довольным, но неприятный осадок в душе у него не пропал. Ведь он всё-таки допустил постороннее лицо в святая святых минно-торпедной боевой части, то бишь с его стороны имела место явная проруха. Единственный способ загладить вину и восстановить душевное равновесие – провести образцово-показательный инструктаж Садовского, который уже на полном законном основании присутствовал в бомбовом отсеке корабля. Впрочем, не совсем на полном, как раз инструктажа-то и не хватало.

10

Легко сказать – проведи инструктаж, а если человеку ни разу в жизни не приходилось это делать? Ну ни бум-бум он в инструктажах! Вот и вышло у Яцева: «Сильно хотели? Так нате вам!» Теперь вот поди, дружок, попробуй, каково оно, инструктажи проводить. А здесь ещё время поджимает!

Яцев за почти два года службы к бомбам привык и даже полюбил их какой-то особенной любовью, так как сам, будучи молчальником с принципами, со временем усмотрел в подопечных родственные черты. Обычно на бомбовом погребе, первой ступеньке карьерной лестницы минёра, «сидят» год. Далее следует боевой пост стрельбы из установок, а если ты «головастый мужик», то тебе прямой путь наверх, на заоблачную вершину карьеры – Пост управления стрельбой. Туда даже вход, подумать только, из офицерского отсека! А в самом посту чего только не напичкано, повернуться негде нормальному человеку, всё запутано и непонятно. От одних только слов «сельсины», или, языком не выговоришь, – «синус-косинус вращающиеся трансформаторы» у Яцева мутнеет в голове и напрочь пропадает всякое желание иметь дело с этими вращающимися косинусами. Не в пример тому бомбовый погреб – всё ясно и понятно, и никаких тебе сельсинов-апельсинов. Потому Яцев не горел желанием променять своих немотствующих подопечных, о которых знал всё и умел с ними деликатно обходиться, на «синиц», порхающих в офицерском отсеке.

Но бывает так в жизни – знаешь всё, что, где и как, а с чего начать ни сном, ни духом не ведаешь. Помните Буриданова осла? Полно было у него еды, а сдох, бедняга, от голода – не знал с чего начать трапезу.

Однако осёл он и есть осёл, ему далеко до Яцева, тем не менее, минёр несколько драгоценных секунд многозначительно экал, пару раз кашлянул, даже намеревался было высморкаться, но вовремя одумался. Чин старшего матроса не позволял ему такой вальяжности.

Но стоило произнести два первых слова, как его понесло, как пиво из бочки, у которой выбили пробку:

«В бомбовом погребе малого противолодочного корабля, где мы находимся, ниже ватер-линии хранится боевой запас реактивных глубинных бомб типа РГБ, предназначенных для стрельбы из реактивной бомбомётной установки РБУ. Боезапас включает в себя девяносто шесть бомб массой 112 кг, длиной 183 см. Комплект позволяет выполнить четыре залпа из двух корабельных установок, – с лёгким малороссийским акцентом пулемётной очередью выпалил минёр и остановился, чтобы перевести дух. Столько слов за раз произносить ему в жизни ещё не приходилось. Он сам подивился собственной прыткости. Вот что значит, жареный петух в ж... клюнул!»

Это был, наверное, самый краткий курс такого серьёзного предмета, как минное дело, который Юрка когда-либо прослушивал в своей жизни до и после этого момента. А минёр Яцев в его глазах сразу вырос на целую голову, ибо Юрка благоговейно восхищался людьми, знающими то, о чём доселе он не ведал. «Надо же, даже длину бомбы помнит до сантиметра, – с уважением подумал Юрка».

«На каждую пусковую установку имеется подъёмно-зарядное устройство. Вот ПЗУ номер один и вон там дальше, в районе пятого шпангоута, расположено ПЗУ номер два, – продолжал Яцев, не меняя регистра». Минёр знал, что времени у него в обрез, что через минуту-другую командир запросит о готовности к загрузке реактивных установок. Дамоклов меч цейтнота назойливо щекотал его затылок.

Только теперь Садовский обратил внимание на толстую вертикальную трубу, уходящую в подволок. Как обманчива внешность, если не ведаешь сути! Оказывается, это не просто столб, а механизм для зарядки пусковых установок! Предусмотрительный молдаванин Пастика использовал его в качестве подпорки, чтобы не рухнуть, если вдруг ему вздремнётся ненароком или качнёт сверх меры. Не забывайте, что корабль при всём этом продолжал борьбу со стихией, которая и не думала угомониться.

Минёр подошёл к трубе и открыл её нижнюю часть, как дверцу высотой около двух метров. Рядом с трубой пристроен небольшой пульт управления с кнопками и сигнальными лампочками.

«Изделие устанавливается в подъёмник в это опорное гнездо, дверца закрывается, – продолжал минёр, закрывая дверцу, которая защёлкнулась, как дверь автомобиля».

Здесь Яцев, назвав бомбу «изделием», перещеголял самого себя, ибо так величать оную могли позволить себе только специалисты с предприятий-поставщиков, посещающие иногда корабль.

«Амба! Дальше работает техника. Изделие поднимается вверх и вставляется в ствол установки, которая автоматически проворачивается и подводит к элеватору следующий пустой ствол. И так до полной зарядки установки и перехода её в режим стрельбы. Повторяю! Всё происходит автоматически, но только после того, как изделие окажется в загрузочном гнезде элеватора. Наша задача состоит в том, чтобы открепить бомбы, доставить их к подъёмнику с помощью данной ручной рельсовой тали, – как по бумажке чеканил вымуштрованный минёр, – установить в подъёмно-зарядное устройство и отправить наверх. При этом мы должны уложиться в норматив зарядки установки по времени».

Здесь Яцев остановился, словно раздумывая: «Продолжать дальше или этому „карасю“ будет достаточно на первый раз». Но, взглянув в глаза Садовского, как бы спохватился и, состроив безразличное выражение лица, добавил: «Самопроизвольный подрыв изделия исключён тройной защитой срабатывания взрывателя».

Остальные участники будущего действия не проявили никакого интереса к блестящему спичу минёра. Вишнёвый с любопытством пялился Юрке в лицо, как бы изучая его реакцию на услышанное. Моторист Пастика же, выступив в роли «наблюдателя за наблюдающим», напротив, почему-то любовался лицом боцманёнка с целью, видимо, набраться положительных эмоций от человека, который постоянно улыбается. Трюмный Галузов, примостившись в позе бедного родственника на пересечении стрингера со шпангоутом, присутствовал при сём телесно. Пребывала ли душа в теле, неизвестно, ибо глаза его были задёрнуты квёлыми синюшными веками, а цвет лица скорее говорил об обратном.

«Всё понятно, Садовский? Показываю, как это делается, – прервал теоретические изыски минёр и решительно направился к стальной фаланге глубинных бомб». За ним потянулся невозмутимый Вишнёвый. Они быстро отвинтили верхний упор, извлекли бомбу из палубного гнезда. Затем, обхватив с двух сторон, поднесли её к подъёмнику и единым махом вогнали внутрь.

«Лихо, – подумал Юрка, – но зачем тогда здесь таль на монорельсе?»

Умудрённый минёр, словно прочитав немой вопрос Садовского, парировал незамедлительно:

«С талью бильше намаешься и не сробышь норматив, пробовали скильки раз».

Старший матрос Пастика, пристроившись теперь за трапом, подальше от бомбы в подъёмнике, в подтверждение слов минёра утвердительно покачал головой. Честно сказать, он и сам побаивался этих, не внушающих доверия, «изделий» и, будучи по-крестьянски практичным, считал, что когда речь идёт о жизни, технике доверять нельзя – «Чем только бес не шутит, пока...?»

11

Итак, их пятеро в бомбовом погребе противолодочного корабля, идущего на полном ходу в открытом море. Волна разгулялась до пятибалльной силы. Гул ходовых двигателей почти не слышен, зато борта корабля гремят, как турецкий барабан, испытывая на себе глухие удары балтийской волны. Громовое барабанное соло сопровождается хаотичным змеиным шипением волны, рассекаемой острым форштевнем корабля. Их то опускает вниз, то поднимает вверх, бортовая качка добавляет к тому ещё добрую порцию «морской романтики». А по соседству, с той же хаотичной траекторией мечется уйма металла, начинённого взрывчаткой. И как бы ни было это соседство невыносимым, деться от него некуда. Это, как тебя закрыли в клетке со спящим тигром и говорят, мол, не дрейфь, он не проснётся, ему снотворного тройную дозу всадили, можешь его даже за усы подёргать. А у тебя в голове пульсирует: «А вдруг!..»

Юрка замороженно взирает на эти металлические тушки. Они, как оловянные солдаты, несмотря на качку и удары о борт многотонных водяных валов, безмятежно и стойко соблюдают боевой порядок в ожидании приказа некоего оловянного генерала. Много-много лет спустя, когда Садовскому попадутся снимки раскопок удивительной терракотовой армии китайского императора Цинь Шихуанди, безмолвные глиняные рыцари, не утратившие за тысячи лет боевой порядок, воскресят в памяти строй глубинных бомб в трюме его корабля.

Напарником по загрузке бомб в эlevator у Юрки будет молдаванин Пастика. Как и подobaет матросу второго года службы, Пастика не упускает любого удобного момента в нескончаемой череде матросских хлопот впасть в сладкую дрёму. Вот и сейчас, примостившись за трапом, спиной упёршись в переборку, ногами – в нижнюю ступеньку трапа, он мастерски зафиксировал паузу и смежил веки. Пребывает, быть может, сию минуту под безоблачным молдавским небом и наслаждается милой его сердцу картиной сбора винограда пышногрудыми молдаванками, по которым он ох как истосковался на холодной, сырой Балтике. Только мгновение, в котором ты живёшь, принадлежит тебе.

Другой тандем, само собой, составляют Вишнёвый и трюмный машинист Галузов. Приветливая улыбка, не сходящая с лица Вишнёвого, приводит к мысли, что ему доставляет большое удовольствие пребывать в бомбовом погребе в ожидании, казалось бы, чего-то очень приятного. Трюмный же Галузов, с восковой маской на лице и чёрными тенями глазниц в тусклой подсветке светильников, полный антипод Вишнёвого, более соответствует своим видом потусторонней обстановке погреба. Ни дать ни взять, грешник в ожидании суда господня.

Что до минёра Яцева, то он здесь хозяин и командир, а посему ему управлять подъёмником и поддерживать связь с ГКП.

Садовский в ожидании начала шоу силачей, в котором ему уготовано стать действующим лицом, пристроился рядом с трюмным на стрингере. Галузов, видимо, почувствовав возле себя что-то живёхонькое, как гоголевский Вий, приоткрыл веки и, с ненавистью глядя на минёра, вдруг спросил у Юрки:

– Ты знаешь что такое братоубийство?

«Уж не рехнулся ли головой трюмный на почве „морской болезни“ и от беспросветности жизни, – подумал Юрка, опешив от таких слов, и даже инстинктивно чуть-чуть отодвинулся от Галузова. – Кто не знает, что такое братоубийство, но при чём тут это и сейчас?»

– Не знаешь? Галузов хищно ослабил подобием улыбки и, заговорщически кивнув в сторону Яцева, язвительно выдал:

– Это когда минёр режет барана на плов!

Его раздражала тараканья бодрость минёра.

Включился «Каштан», система корабельной громкоговорящей связи. Минёр поспешно схватил микрофон, связанный с пультом свёрнутым в пружину проводом, и щёлкнул тумблером. Командир корабля Ильясов включил связь на бомбовый погреб, но, видимо, обстановка на мостике отвлекла его. «Каштан» донёс в бомбовый погреб звуки с ходового мостика. Среди шума ветра, волн едва различался монотонный гул ходовых двигателей. Штурман лейтенант Леднёв что-то докладывал командиру. Выслушав штурмана, Ильясов scomандовал рулевому корректировку курса. Доносились звуки ещё каких-то команд и рапортов.

Юрка жадно вслушивался в волшебные звуки с корабельного Олимпа. И на него нахлынула тихая светлая зависть к тем, кто сейчас на мостике задыхается от напоённого морской влагой ветра, чувствует на лице брызги солоноватой морской воды, летящие отовсюду, любителю штормящим морем, осязает под собой надёжную твердь сильного корабля, не уступающего козням и проказам разыгравшегося моря. Вот она где, настоящая морская романтика!

«Всё-таки несправедливая штука эта жизнь... Там, на мостике, матросы – рулевые, сигнальщики рядом с командиром и офицерами ведут корабль, – с грустью подумал он. – А мы

в трюме, на самом дне корабля, в жутком – сыром, холодном и низком – помещении, напичканном смертоносным грузом»

Все, прислушиваясь к звукам из другого мира, так непохожего на эту преисподнюю, установились на минёра, который сам, словно позабыв обо всём, впился взглядом в горящий сигнальный глазок на пульте «Каштана». Под глазком на шильдике ясно различались буквы «ГКП» – главный командный пост. Казалось бы, они забыли о сотне безмолвных железных истуканов, которые, лоснясь пушечной смазкой, следуют за ними неотступно. Душою они наверху, на мостике, летят навстречу кипящей балтийской волне. Но нет, ощущение этой железной крутой сотни ни на секунду не покидает их, она рядом, и все сто болванов тупо, а может быть, с железным ехидством прикидывают возможности своих партнёров.

Ильясов, наконец-то, вспомнив о погребе, затребовал доклад о готовности команды бомбового погреба к зарядке реактивных установок. Минёр доложил о готовности оборудования и людей. Доклад ничего в погребе не изменил, никто даже не пошевелился, хотя чувствовалось, что напряглись. Впрочем, Садовский покинул свой стрингер и, ухватившись за поручень трапа, перебрался ближе к минёру. Не прошло и минуты, как командир дал команду приготовиться к загрузке установки №2. Тут Пастика как током ударило. На удивление, он резво вылез из-за трапа и направился к ближайшему по правому борту ряду сигар. По ходу бросил Садовскому: – «Пошли».

Боцманёнок Вишнёвый и трюмный Галузов также выбрали себе ближайшую к подъёмнику жертву, но по левому борту.

– Ну-ка, держи её, – взял бразды в свои руки Пастика и начал отвинчивать верхний упор. «Но ведь команды для начала загрузки не было, – подумал Юрка и оглянулся на вторую пару. Вишнёвый проделывал то же самое. – Значит так надо».

И вдруг бомба, которую Садовский по указанию Пастика обхватил руками, ожила. Юрка сразу вспомнил из инструктажа минёра, что бомба весит ни много ни мало, а больше центнера, и высота её 183 сантиметра. «Так это же мой рост, – почему-то пронеслось у Юрки в голове, – но у меня всего-то семьдесят пять кило»

Бомба же, обретши свободу, дарованную Пастикой, как пьяная баба, пошла в сторону крена корабля, прямо на Юрку, мол, возьми меня – я твоя. Он же, испугавшись, что если не удержит, бомба рухнет и рванёт, присел чуть-чуть и упёрся. А ей того и надо! Эта киса с наглой доверчивостью всем своим тактико-техническим центнером с гаком бесцеремонно улеглась на далеко не богатырскую Юркину грудь. Он закрипел зубами от натуги, но страх потерять контроль над этой дурацкой болванкой, начинённой под завязку взрывчаткой, придал ему силы. Он устоял, а крен корабля так кстати сменился на противоположный. Теперь Садовский уже не мог подставить себя под бомбу, но моторист Пастика, закончив возню с верхним упором, не дал ей завалиться в противоположную сторону. При этом он крякнул и что-то прохрипел по-молдавски, наверное, выругался. Роста он среднего, телосложения плотного, но не крепкого, и даже не по возрасту ранний животик предательски проглядывался под застиранной голландкой. Поэтому удержать бомбу ему, похоже, стоило также немалых усилий.

Так они и застыли в этаком динамическом равновесии: Садовский обнимал жирное тело бомбы слева, Пастика ухватился за неё справа, и вся неразлучная тройца – Юрка, моторист и предмет их объятий – поднималась и опускалась в ритме килевой качки. Юрка повернул голову назад, боцманёнок Вишнёвый и трюмный Галузов находились в таком же незавидном положении, преданно обнимая бомбу с двух сторон. Картинка была комична тем, что они,

будто бы старались отобрать бомбу друг у друга, и эта борьба нанайских мальчиков шла с переменным успехом в зависимости от крена корабля.

Минёр с микрофоном в руках по-прежнему пребывал у пульта «Каштана» и, как Юрке показалось, с усмешкой смотрел на этот бесплатный цирк. Наверное, их пустые хлопоты, ибо приказа на загрузку с мостика так и не последовало, со стороны выглядели потрясающе.

«Тебе-то хорошо, – подумал Юрка о минёре, – Будешь сейчас кнопки нажимать, штуки считать, да на мостик рапортовать, а нам... А как же мы дотащим эту дуру бесчувственную до подъёмника, если мы на месте едва удерживаем? – внезапно родился панический вопрос в его голове».

Ильясов вновь пропал, да и трансляции с мостика уже не было, отключился командир от погреба. «Каштан» притих, но по известным причинам все с нетерпением ждали его включения.

12

Волнение на море не стихало. Иногда казалось, что балтийская волна становится круче. Циклон неугомонно гнал свинцовые тучи. Море под стать облакам, только грязно-белые буруны в местах схлопывания волн как-то разнообразили цветовую гамму осенней Балтики. Но иногда ветер разрывал хмурую сплошь, нависавшую над морем, и на небе ослепительной голубизной вспыхивал клочок чистого неба. Лучи небесного светила прорывались к морю и выхватывали из бесцветного водного месива фрагмент, который внезапно наполнялся пастельным цветовым великолепием. Словно некто из морских глубин подсветил разноцветными прожекторами водную поверхность. За такие феерические сюрпризы Ильясов любил Балтику, но только минуты роскошного представления чередовались днями пепельно-серого со свинцовыми переливами антракта.

Влажный октябрьский норд-вест пробирал до костей, но Ильясов, видя, как ёжятся от ветра, нахлобучив капюшоны штормовок, вахтенный рулевой и сигнальщик, принципиально не надевал штормовку, был в кителе и в пилотке.

Из штурманской рубки вышли помощник командира старший лейтенант Комодед и штурман, белобрый, лейтенант Леднёв. Комодед пользовался на корабле и в дивизионе заслуженным уважением. Спокойный, интеллигентный, прекрасно знающий своё военное дело офицер. Ильясов со спокойной душой оставил бы корабль на Комодеда, но чуял, что вот-вот заберут его с корабля. Командиром корабля не поставят, но командиром боевой части на ракетный эсминец наверняка.

Леднёва прислали на корабль недавно взамен штурмана, полгода назад ушедшего с корабля на повышение. Ильясов до сих пор полемизировал сам с собой. «Рановато взяли, не созрел штурман для большого корабля, — ревниво вспоминал он бывшего штурмана». Ведь сколько Ильясову пришлось покряхтеть, чтобы из штурмана штурман наконец-то вышел. Только стали вызревать плоды его стараний, как тут, громом среди засухи, пришло указание о переводе выпестованного им штурмана на новенький «поющий» фрегат. Вот и готовы кадры для дяди, а сам иди... Да шут с ним, но взамен-то прислали кого? Свежеиспечённого где-то на годичных штурманских курсах сопливого младшего лейтенанта, который и срочной-то половины не оттянул. Вот тебе мочало – начинай сначала. Признаться, Леднёв оказался не чета предыдущему штурману, сразу показал солидные для выпускника годичных курсов знания и уменье, был аккуратен и точен, что очень важно для штурманского дела. И команда, несмотря на его моложавый вид, приняла неплохо, а это много значит для офицера. Ильясов понял это,

когда услышал ненароком в офицерском отсеке, как после ужина корабельные любители футбола приглашали Леднёва на спортивную площадку, на что он с пацанячьей радостью согласился.

Штурман доложил командиру метеосводку, только что полученную по радио из базы. Ещё сутки циклон будет утюжить южную Балтику, но усиления ветра и волнения не ожидается. Обычная осенняя балтийская погода, циклон следует за циклоном. Да и зимой то же самое, только влажные десятиградусные балтийские морозы сродни сухим тридцатиградусным сибирским.

Линия замерзания находится значительно северней, но зимнее плавание в южных широтах Балтики чревато встречей с плавучими льдами, особенно в суровые зимы. Глаз да глаз. Поэтому Ильясов строго требовал от сигнальщика докладывать обо всём, что он обнаружит на поверхности моря: доски, брёвна, крупный мусор, лёд. Любой предмет может представлять скрытую угрозу для корабля. А Балтика полна ещё следов прошлой войны. Нередки случаи, когда, отрываясь от якорей, всплывают рогатые черные шары в самых неожиданных местах. Чуть больше двадцати лет назад на Балтике десятками тысяч мин были перегорожены основные и возможные фарватеры. Минировали акватории и немцы, и русские.

В проёме двери штурманской рубки нарисовался замполит старший лейтенант Ерофеев – высокий светловолосый красавец. Подождав пока Леднёв закончит информировать командира о прогнозе погоды, обратился к нему с озорной улыбкой на лице:

– Штурман, тебе чай с лимоном или с лимонкой?

Леднёв с опаской покосился на командира, который никак не отреагировал на, казалось бы, странный вопрос замполита, и парировал не менее странно:

– Да нет замполит, мы же не графье какое, уж лучше, «шильца» плесни мне в стакан, вместо кипяточка. Услужи дорогой! Буду премного к вашим услугам...

Ильясов, разумеется, слышал эти словесные ребусы молодых офицеров и разгадал их.

Совсем недавно Ерофеев появился на корабле. Его направили в дивизион после того, как в штат кораблей противолодочного дивизиона ввели должности заместителей командиров по политчасти. На корабле Ильясов принял его своей каюте, которая служила ему и рабочим кабинетом. После того, как Ерофеев доложил и ответил на вопросы командира, Ильясов заметил на лбу замполита испарину.

– Ну, что-же, замполит, рад, что у меня будет толковый помощник, тем более комендор. Знакомься с кораблём, с командой. Занимай место в каюте вместе со штурманом Леднёвым. Вы с ним, кстати, одногодки, так что общий язык найдёте. Ты, вижу, вспотел от моей дотошности, извини, да и душновато у меня здесь. На-ка выпей водички холодненькой. Гарсон только что из кают-компании принёс. Люблю холодную воду, чтобы аж зубы сводило.

Он налил из графина треть стакана воды и подал замполиту. Ерофееву совсем не хотелось пить, но отказаться от поданного стакана было неудобно. С первых же глотков он почувствовал, что в стакане чистый спирт. По выражению лица Ильясова он понял, что надо допить жидкость как воду и не в коем случае не подать виду. Это просто морской тест. Ему стоило больших усилий это сделать, и он выстоял.

– Ну давай, Игорь, иди, устраивайся. На сегодня ты свободен, отдохни и занимайся своим бытом. После этих слов командира Ерофеев понял, что экзамен сдан.

Общий язык-то замполит и штурман нашли быстро, только состоял он из постоянных приколов и насмешек. И однажды это закончилось неприятным инцидентом. В каком-то жарком споре Леднёв, видимо, исчерпав словесные аргументы, вдруг достал откуда-то «лимонку»,

выдернул чеку и, бросив гранату на койку Ерофеева, выскочил из каюты, захлопнув за собой дверь. Ерофеев, конечно, понимал, что это муляж, но принял вызов. Он молниеносно выбросил гранату за борт в открытый иллюминатор каюты. Открылась дверь, показалась улыбающаяся во весь рот голова Леднёва. Ерофеев сидел совершенно спокойно, словно ничего не произошло. Леднёв, согнав с лица улыбку, насторожился:

– А где граната?

– Там, где и должна быть – за бортом.

Вот вам и маленькое ЧП. Конечно, это был муляж, но Леднёв получил его для проведения занятий в арсенале под расписку. И пошло-поехало, докладные, разбирательства и взыскание, хорошего мало.

Вот потому Ерофеев предложил-то Леднёву на мостике «лимонку» в чай, вместо лимона, а тот в ответ предпочёл спирт вместо воды.

«Э—эх! Пацаны ещё, всё впереди», – с печальной завистью подумал Ильясов, услышав шуточную перепалку замполита и штурмана, но сказал совсем другое:

– Кончай балаган, штурман! Не в кают-компанин чай гоняешь, а на ходовом мостике службу несёшь!

– Да он первый начал, все слышали, – возмущённо ответил Леднёв, но тут же виновато поправился. – Есть, товарищ командир, кончать балаган! – и украдкой погрозил кулаком Ерофееву.

– Детский ссад, – уже безадресно процедил сквозь зубы Ильясов и поднёс к глазам бинокль, показывая этим, что вопрос исчерпан. А в голове всё равно крутились невесёлые мысли. Вот приходят на корабль пацаны – лейтенантики, пролетят годы и, глядишь, из какого-нибудь лейтенанта вырастает адмирал – командующий флотом. Но ему, Ильясову, уже не светит адмиральский жезл. Пересидел он на противолодочнике, знать, не дано.

Старший помощник Комодед, напившись ароматного индийского чая с галетами, целый чайник которого в штурманскую рубку принёс вестовой, вышел на мостик сменить командира. Но Ильясов отказался от чая и не покинул командный пост – в бомбовом погребе ожидают начала учения по загрузке реактивных установок. Комодед как бы невзначай, напомнил, что волнение на море, при котором инструкция разрешает загрузку установок, предельное. Оно понятно, ничего страшного не произойдёт, но пацаны в погребе могут покалечиться. На что Ильясов промолчал, словно пропустил мимо ушей эти слова, но старпом уж не первый год под началом Ильясова и понял, что всё командир услышал и сам знает, потому прекратил разговор на эту тему. Ильясов не любил советчиков, тем более на корабельном мостике. «Командир корабля должен лично принимать решения, – считал он, – и настойчиво их осуществлять, а иначе, какой он тогда командир?»

Уже второй год корабль заслуженно считался одним из лучших по боевой подготовке кораблей бригады охраны водного района, да и раньше в последних не числился. Все боевые задачи выполнял на «отлично», а в поиске и уничтожении подводного противника, венце боевых задач противолодочного корабля, Ильясову не было равных.

Много лет назад, четырнадцатилетним мальчишкой, он упрямился на кабанью охоту с соседскими мужиками. Впечатления от той первой охоты остались навсегда в душе и памяти. Чувство опасности, азарт облавы и стрельбы, торжество при виде подбитого громадного хряка – всё это всплывало из потаённых глубин памяти и переполняло грудь Ильясова, когда он охотился за подводной лодкой. Подлодка, громадный хряк из далёкого детства, так же хитра, коварна и опасна, и не приведи господи встретиться с ней один на один на курсе торпедного выстрела, как и с секачом на узкой тропке, по которой лесной монстр уходит от облавы.

Старший лейтенант Комодед запросил рапорт гидроакустиков, как бы отработывая перед командиром только что выпитый стакан чая. Ильясов намеренно не подал вида на инициативу старпома и, в свою очередь, поднёс к глазам бинокль и осмотрел горизонт, ожидая доклад Комодеда о гидроакустической обстановке. Море до горизонта было пустынно, только седые гребни водяных валов вносили скупое разнообразие в угрюмый балтийский пейзаж. Ко всему начал сыпать противный мелкий дождь. «А то нам мало воды снизу, теперь вот сверху пошла, – подумал Ильясов, накидывая ветровку».

«Хозяин собаку из дома не выгонит, а вам не сидится на печке, – вспомнил Ильясов, как раздражённо сетовала жена, когда его накануне срочно вызвали на корабль. – Раз в месяц выходной и то не дали с ребёнком побыть». Сама она, врач-кардиолог уходила на дежурство в больницу, а их сынишка, семилетний Сашка, целые сутки оставался безнадзорным, если не считать одного глаза семидесятилетней соседки Петровны. Другим она не видела совершенно. Но что мог в ответ сказать Ильясов? Да жена и сама всё понимала. «Эх, жизнь кораблятская!» – к слову пришла вдруг на ум Ильясову коронная присказка боцмана Кудина, который, казалось, был напичкан подобными флотскими «перлами» и употреблял без разбора, где попало. Как ни странно, но эта пикантная боцманская прибаутка подняла настроение и даже развеселила его.

– Старпом, что там твои слухачи надыбали? Докладывай, да начнём зарядку установки, и так уже затянули... Обед на носу, а мы всё телимся... Сигнальщики! Смотреть! Смотреть в оба!

Корабль, несмотря на штормящее море, шёл ходко, легко преодолевая свинцовые валы. Иногда нос корабля всё-таки зарывался, и гребень волны накатывал на бак. Но через секунду корабль, словно очнувшись, мощно восставал, и балтийская вода бурным пенным водопадом сходила с палубы. Следующая волна пыталась повторить попытку загнать это непокорное стальное чудовище в глубину. Но не тут-то было, корабль, как бы стыдясь допущенной оплошности, безжалостно разрезал водяную гору острым форштевнем. Рассечённая волна в бессильной ярости стремилась сжать его стальное тело с бортов, но довольствовалась лишь беспомощным шипящим перекатом через шкафут.

13

Французы говорят, что вдвойне приятно обмануть обманщика. Вот и Ильясов, похоже, получал двойное удовольствие от того, что не спешил дать отмашку на старт загрузки. Ведь в бомбовом погребе, как вы помните, решили схитрить и открепили бомбы раньше отмашки с мостика и теперь боролись с ними, приноровившись отдыхать, когда бомба наваливалась на партнёра. Казалось, что командир каким-то непостижимым образом прознав, что в погребе мухлюют, намеренно не даёт команду на старт загрузки, словно созерцая пустые хлопоты хлопцев. «И поделом», – раздражённо подумал Юрка. «На хитрый зад есть спецаппарат, – вспомнилось ему курсантская „мудрость“. – Будет хохма, если вот так покорячимся минут десять, а командир возьмёт и отменит этот цирк»

Только теперь, в ожидании команды, Садовский обратил внимание на то, что корпус бомбы покрыт толстым слоем густой смазки, которая в изрядном количестве перекачевала на его голландку и брюки.

С ужасом глянул он на свою засаленную пушечной смазкой новенькую робу и представил, сколько трудов придётся вложить в ближайшую субботу, чтобы в понедельник выйти опрят-

ным на подъём флага. «Попробуй, отстирай теперь, – с укором себе подумал Юрка». Но что остаётся? Лес рубят – щепки летят. Стокилограммовая болванка не стакан водки – пальцами не удержишь.

Наконец-то мостик разрешился долгожданной командой «старт». Время пошло! Загрузчики, как застоявшиеся кони, под ободряющее гиканье минёра бросились в схватку со стальными истуканами, но запал потух, не возгоревшись. Корабельная болтанка словно издевалась над ними. Удерживать бомбу на месте приноровились, а вот доставлять оказалось делом не только трудным, но, как вначале показалось, почти невозможным. Первую бомбу Садовский с Пастикой тащили с двумя остановками и, измученные, с трудом втиснули железную дуру в подъёмник. Здесь бы перевести дух, какой там – минёр безжалостно гнал за второй. И не потому, что старался выслужиться, а просто знал, как никто из них, что если норматив сделают, всё благополучно закончится. А вот если нет, то последует следующая попытка, и ещё, и ещё...

Впрочем, первая ходка кое-чему да научила. Во-первых, движение надо начинать, когда палуба уходит вниз, бомба висит и становится легче. Во-вторых, надо выбирать момент, когда бортовые крены минимальны. И, пока палуба пребывает в таком положении, надо успеть донести и установить бомбу в подъёмник. Однако поймать благоприятное для начала переноски и загрузки бомбы положение палубы оказалось делом далеко не простым. Ошибки приводили к тому, что надо было останавливаться, опускать бомбу, пережидая предельные углы крена, или когда она, получая ускорение вниз, становилась тяжелой.

Будучи старшим по званию, как-никак старший матрос, моторист Пастика управлял всеми манипуляциями с бомбой. Юрка видел, что иногда Пастика ошибается, но понимал, что времени на разборки нет, и молча выполнял его команды. Тем более, до Пастики его промашки спустя секунды доходили, и он бурчал в своё оправдание: – «Эх! Чуть-чуть рановато двинули» или «Промухали мы с тобой, Садовский, малёха». «Сам ты промухал, барон цыганский, – чертыхался в душе Юрка, – а отдуваться, ясное дело, со мной»

У Галузова и боцманёнка Вишнёвого, дело шло не лучше. Они также пытались подобрать удобный момент для броски, но, промахнувшись, останавливались, теряя время.

– Шибче, хлопцы! Шибче, – надрывался, скатываясь на дискант, вошедший в раж Яцев. Лицо его налилось, жилы на шее набрякли, словно он сам таскал бомбы, а не стоял возле пульта подъёмника, готовый в порыве раздавить микрофон «Каштана» медвежьей пятернёй.

Напрасно. Всё напрасно. Первую попытку загрузки провалили в чистую, намного превысив норматив. Всегда надеешься на лучшее. «Авось проскочим, – думали, – тем более, как бы то ни было, а с полминуты урвали на мухляже». Не помогло.

Хронометрировал старпом Комодед. Он же, огорошив бомбистов результатами первой попытки, приказал, не мешкая разрядить пусковую установку.

«Намёк ваш поняли, товарищ старпом – грядёт вторая попытка». Разгрузка потребовала не многим меньших усилий, хотя её никто не отслеживал.

Разгрузив установку, они попадали в изнеможении, как придётся, вокруг подъёмника и наслаждались минутами передышки с надеждой на то, что второй попытки-попытки всё-таки не будет. Садовскому казалось в тот момент, что теперь и одну-единственную бомбу они с Пастикой не осият поставить в подъёмник, если даже выпрыгнут из штанов. Трюмный Галу-

зов, страдающий от качки, выглядел совсем неважно. Вишнёвый, к Юркиному удивлению, не казался уставшим, разве что непрерывная улыбка его стала больше походить на улыбочивую маску, а глаза уже не излучали беспричинное райское блаженство. Да и румянец на щеках несколько подсел.

Тем не менее, несколько минут отдыха пошли на пользу. Осознание того, что придётся загружать и выгружать пусковую установку до тех пор, пока норматив не будет выполнен, придало погребной команде злости и отчаянного куража. Ко всему, поразмыслив, Яцев решил заменить самое слабое звено в команде – трюмного Галузова, который совсем сник и наверняка мог сорвать следующую попытку. «Заменить, – вы спросите, – на кого?» Уж не думаете ли вы, что Яцев попросит мичмана Кудина спуститься в погреб? Разумеется, нет, тогда только на себя. Замена измученного качкой трюмача на минёра, от которого веяло здоровьем и силой, придала решимости нашим бомбистам покончить с этим грязным и неприятным делом именно сейчас. К тому же приближалось время обеда, о чём свидетельствовали Юркины кишки, начавшие уже потихоньку наигрывать боевые марши.

Под лозунгом «Сейчас или никогда» старпом объявил о начале второго действия «марлезонского балета», «прима-балероном» в котором по праву стал минёр Яцев. Остальные лишь скромно подплясывали ему в кордебалете. Минёр, словно озверев, хватал бомбу и тянул к подъёмнику, не взирая на крены и килевые провалы палубы. Вишнёвый у него был для мебели, едва схватившись за бомбу. Не успевали Садовский с Пастикой поставить бомбу в подъёмник, как он уже со своей очередной стоял сзади, готовый отшвырнуть их от подъёмника, как досадную помеху. При этом гнусавым голосом он постоянно науськивал остальных словами «Давай! Давай, хлопцы! Давай!»

Ну вот последняя, двенадцатая вознеслась на верхнюю палубу, чтобы быть проглоченной оставшимся пустым стволом реактивной установки. А минёр уже включил мостик и отрапортовал. Не теряя ни секунды, они вновь, как стайеры после тяжёлой дистанции в ожидании фотофиниша, приняли расслабленные позы с опорой на всё, что находилось вокруг и могло послужить уставшему телу.

Юрка примостился между двумя шпангоутами, опершись спиной на поверхность обшивки борта. Металл приятно охлаждал разгорячённое тело. Какое удовольствие вот так лежать без малейшего движения, можно закрыть глаза и отдаться полностью качке, то взлетая вверх, то проваливаясь вниз, спиной чувствовать, как буквально в миллиметрах, с противоположной стороны металлического листа обшивки, беснуется водная стихия.

Все были уверены в успешности попытки и ждали лишь официального подтверждения. Потому пребывали в состоянии приятной эйфории, какая бывает после сданного трудного экзамена. Если кое-кому из них и приходили на ум пессимистичные мысли, то он их гнал, или помалкивал, чтобы, не приведи, ... накаркать фиаско.

14

Не это ли знак успешной попытки? Сам командир взял микрофон «Каштана», и первым его словом было «Молодцы!». Все поплыли, приятно ведь заслуженная похвала. «Вот так мы! Со второй попытки оформили норматив» Этого слова командира было бы достаточно для почивания на лаврах, но Ильясов продолжал, дескать, результат может считаться очень даже

неплохим в условиях пятибалльного волнения. Юрка насторожился, ибо как раз он был тем пессимистом, который допускал провал и второй попытки, хотя сам верить в это отказывался.

«Что значит „может считаться очень неплохим“? – закрутилось в Юркиной голове. – Неужели опять облом?»

– До норматива не дотянули самую малость, не уложились на какие-то полминуты, – продолжал командир бодрым голосом, – Уверен, что вам по силам всё-таки покорить норматив. Уж полминуты вы как-нибудь дождёте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.